

[Polaris]

Леонид Платов



ЗЕМЛЯ САВЧУКА

Затерянные миры
Том IX

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XLVIII



Salamandra P.V.V.

Леонид Платов

ЗЕМЛЯ САВЧУКА

Затерянные миры

Том IX

Salamandra P.V.V.

Платов Л. Д.

Земля Савчука. Рис. В. Климашина (Затерянные миры, т. IX). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 85 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XLVIII).

Повесть Л. Платова «Земля Савчука» была впервые опубликована в 1941 г. и стала непосредственной предшественницей знаменитой научно-фантастической дилогии автора «Архипелаг исчезающих островов» и «Страна Семи Трав» («Повести о Ветлугине»). В ней рассказывается о поисках неведомых земель на Крайнем Севере и попытках покорить суровую природу Арктики.

«Земля Савчука» продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций произведений, которые относятся к жанру «затерянных миров» – старому и вечно новому жанру фантастической и приключенческой литературы.



ЗЕМЛЯ САВЧУКА

Научно-фантастическая повесть

Рис. В. Климашина

Вскоре, видимо, я получу возможность более полно обрисовать историю появления на карте этой удивительной страны. Образцы флоры уже высланы с Таймыра, сам Савчук осенью будет в Москве.

Пока же на письменном столе передо мной лежит только несколько любительских фотографий, на которых неясно видны ряды капусты и между ними приземистые деревца, напоминающие мандариновые. На переднем плане застыл человек подле оленьей упряжки. Вдали — не то низкие облака, не то снеговые горы.

Очень жаль, что фотографии не цветные. Контраст между снегом и листьями выглядел бы еще эффектнее.

Глава I

...Итак, сразу можно было бы начать с зимовки нашего гидрографического судна «Нерпа» или даже с открытия Архипелага Исчезающих Островов. Однако, характер Савчука будет тогда неясен, а моя встреча с ним в горах Бырранга покажется неожиданной. Придется поэтому ненадолго углубиться в прошлое, вспомнив маленький провинциальный город, где мы с Андреем Савчуком провели детство.

...Я вижу себя идущим по улице, слабо освещенной раскачивающимися висячими фонарями. Это — февральский вечер. Снег еще не тает, но уже начал темнеть.

Ветер дует порывами. Я расстегнул ворот, жадно дышу; побежал бы,— такая беспокойная радость на сердце, — но не подобает шестикласснику бегать по улицам.

То непередаваемое предчувствие счастья, которое испытали, наверно, и вы в свои отроческие годы, нахлынуло на меня в тот вечер с особенной силой. И что особенное случилось со мной? Попалась хорошая книга в библиотеке, да ветер повстречался в пути. До смерти люблю такой вот стремительный, влажный ветер. Пусть бы всю жизнь дул мне в лицо, шумел в парусах над головой, швырял пенистые брызги о борт!..

А книжка, которую я бережно укрыл на груди между пальто и курткой, была изрядно потрепана, и корешок ее разбит, и отдельные листы надорваны. Это-то и привлекло меня к ней. Каждому известно: храбрых солдат узнают по шрамам, интересные книги — по числу недостающих страниц.

Я выхватил книгу из рук мальчика, который принес сдавать ее. Рисунок на обложке был заманчив. Человек с гребня горы смотрел на лежащую внизу долину. Она покрыта была лесами, а между деревьями поблескивала вдали целая цепь озер и поднимались фонтанчики гейзеров.

Я перелистал книгу...

«Мираж, — шумно перевел дыхание Костяков, — земля привиделась нам. Утром здесь снова будут снег, торосы...».

«Ночь на пороге загадочного мира прошла тревожно. Будто огонек сверкнул в тумане, снова заполнившем впадину. Или это звезда отразилась в озере? Настороженное ухо ловит звуки, доносящиеся снизу. Они приглушены туманом. Путешественники гадают: «Рев зверя, да?.. А это похоже на барабанный бой! Светает...»

— Я беру эту книгу, — вскричал я, оттесняя плечом соперников. — Будьте добры, товарищ библиотекарь... Я давно хотел «Землю Санникова», именно ее...

И я поспешно ушел.

Как близки были мне сейчас тревога и нетерпение путешественников, ждавших утра, чтобы перешагнуть порог открытого ими мира!.. Я не дождался утра. Из потаенного ящика я вытащил свечу, пристроил возле постели и загородил огонек «Алгеброй» Киселева, поставленной стоймя.

Свеча потрескивала, оплывая, страницы шуршали, из соседней комнаты доносились мерный храп, иногда сонное бормотание, — сестра разговаривала во сне. Все это совершалось где-то очень далеко, в другом измерении. Гораздо ближе, совсем рядом со мной слышались охотничьи клики онкилонов, грозный рев мамонтов и ровный голос Горюнова, начальника экспедиции, которая, продвигаясь в глубь острова, методически раскрывала одну тайну за другой...

...Среди неподвижных льдов, далеко за Полярным кругом, лежит земля. Она имеет форму воронки. Внешние склоны ее покрыты снегом, на внутренних зеленеет лес. Чем ниже спускаются путешественники в котловину, тем выше, тем пышнее делаются деревья. Карликовые березы и ольха, робко стлавшиеся по земле, поднимаются, распрямляются, становятся вровень с человеком. Вместо моха под ногами уже шуршит трава, и все чаще мигают в траве неяркие северные цветы.

Здесь — весна в полном разгаре, а на сотни километров южнее, на материке, все утопает еще в глубоких сугробах, и весны ждать месяца два, не меньше.

Разгадка феномена в одном слове — кальдера. Так называются кратеры огромных вулканов. По-испански оно значит котел.

Зеленая долина, замкнутая со всех сторон горами, представляет собой дно кратера. Вулкан потух, но тепло продолжает выделяться, «котел» подогревается снизу, и растения умеренных широт, случайно занесенные на остров, существуют наперекор мертвящему холоду окружающих снегов.

В кальдере спаслись и мамонты, и носороги. Сюда под натиском чукчей отступили онкилоны, обитавшие раньше на побережье Ледовитого океана. Весной на теплый остров прилетают с материка птицы, они летуют здесь и выводят птенцов.

Но почему моряки, проплывая мимо, не видят этого острова? Потому что теплый воздух, поднимаясь из котловины, охлаждается и образует непроницаемую стену туманов. Только в очень ясные дни на горизонте возникает расплывчатое пятно. «Облако...» — говорят моряки и разочарованно опускают бинокли...

Я закрыл книгу, когда свеча совсем догорела, на сером фоне проступили черные перекладки окна, а за стеной зашумел примус.

Андрей Савчук был моим соседом по парте. Глядя на его большую, стриженную под машинку голову, доброе, толстое лицо, смешно вздернутый нос, я чувствовал, что бессовестно томить его и откладывать рассказ об острове до большой перемены. Я сделал условный знак и выдвинул из-под парты растрепанную книжку с загнутыми листами.

— Савчук Андрей! — донеслось до нас, спустя некоторое время, когда мы довольно глубоко уже проникли в кратер потухшего вулкана. — Что известно тебе о квадратных уравнениях, Савчук Андрей?

Мой друг медленно поднялся и застыл, потупясь. О квадратных уравнениях ему не было известно ничего, — поза его говорила сама за себя. Глаза математика остановились на мне, он ласково кивнул. Я вздохнул и тоже поднялся.

Так начало нашего пути к таинственной стране среди льдов ознаменовано было первыми искупительными жертвами...

В зеленую страну среди льдов Андрей поверил безоговорочно и сразу.

— Ну, пусть тут роман, придумано, — говорил он, заикаясь от волнения, — но есть ведь такая где-нибудь? Должна быть!..

— Должна!

— О ней может быть в ученых книгах написано. Может быть, видел ее кто-нибудь, но не дошел. Ее, знаешь, и открыть могли, а потом забыли дорогу к ней. Или так... Многие погибли в Арктике... Пропали без вести, да?.. И вот кто-то спасся, добрал до зеленого острова... Он и сейчас там живет... Не может выбраться на материк... Болен, ранен... Радио, понимаешь, нет...

— Тогда экспедицию на выручку...

— Ну да, экспедицию... И мы находим его... Ладно?..

...Наиболее длительную остановку на пути мы сделали в Гренландии. Мы интересовались ею больше года, прочли о ней все, что могли достать, и подумывали всерьез, не она ли и есть наша желанная страна.

В те дни папанинскую льдину несло через бурное Гренландское море. Далеко на западе папанинцы видели зазубрины скал Скорзби-Сунда, знаменитого своими горячими источниками, которые бьют в непосредственном соседстве с материковым льдом. Мы прочли об этом в газетной заметке, и Гренландия, странная

судьба которой загипнотизировала не одного мечтателя, втянула и нас в орбиту своего очарования.

Гренландия, Грюнланд — в самом названии заключена была тайна... Грюнланд по-норвежски Зеленая Страна. Но ведь на карте Гренландия закрашена однообразным белым цветом? Белый цвет означает снег, льды и неисследованные места. Но миллионы лет назад здесь росли великаны — секвойя, лавр, магнолия, виноградная лоза, плющ и пальмы. Потом наступил период оледенения, сковавшего всю Северную Европу и Азию. Он закончился, и льды отступили к полюсу, оставив у материка один неприступный бастион — гренландский ледник и лишь отчасти льды Новой и Северной Земель.

Помимо других причин, лед застаивается в Гренландии оттого, что центральная часть ее поверхности имеет форму чаши. У берегов края ее приподняты, центр вдавлен. Переполнив чашу, лед стекает в море, рождая айсберги.

Гренландия выглядит сейчас мертвенно, печально, остров, одетый погребальным саваном, — Белая Сахара, как назвал ее знаменитый геофизик Вегенер. Но в снежной пустыне приютился своеобразный оазис. На самой северной оконечности Гренландии, в непосредственной близости к полюсу, между 80-й и 85-й параллелями лежит земля Пири.

Описание этой земли мы знали почти наизусть.

...После долгих странствий по ледяному гренландскому плато Роберт Пири вышел, наконец, к месту, где лед обрывался. Перед удивленным путешественником открылось обширное холмистое пространство. Над цветами в густой траве порхали бабочки.

Пири закрыл глаза. Ему показалось, что он грезит. Бабочки вблизи полюса!

Но наваждение не пропадало. Шумя крыльями, пронеслось несколько птиц и опустилось на траву вблизи Пири, ничуть не тревожась его присутствием. Это было похоже на заколдованный сад, обнесенный широким барьером льдов, надежно укрытый от людей...

Что вызвало такие удивительные изменения климата в этом месте? Почему эскимосы, побывавшие здесь задолго до Пири, видели только снег и редкий мох?

Много лет спустя Андрей Савчук нашел решение этой загадки, причем в местах, отстоявших от Гренландии на десятки тысяч километров, совсем на другом конце Арктики. Но в детстве мы связывали возникновение оазиса на севере Гренландии с действием вулканов.

Подземный жар и вечные льды, — в этом контрасте было что-то необычайно привлекательное для юного воображения.

Вулкан! Действующий или потухающий, он преображал вокруг природу и волшебным образом менял суровый арктический климат.

Мы знали, что ряд островов в Арктике сформирован из вулканических пород. В Исландии, на Аляске и Камчатке вулканы действуют и до сих пор. Над Ключевской сопкой, над Геклой, над вулканом Врангеля* над их величественными снежными куполами в морозном воздухе вьются зловещие дымки.

Придуманый остров онкилонов, чем дальше рылись мы в книгах и картах, выглядел все более правдоподобным, реальным и заманчивым.

На Аляске, под 61 -м градусом северной широты, мы разыскали район, где, по свидетельству орнитологов, водились птички, близкие к роду колибри. Рядом,

* Вулкан Врангеля — крупнейший на Аляске вулкан (4 900 метров).

на Чукотском полуострове, очень сходном по геологическому строению с Аляской, мы наткнулись на мысе Чаплина на горячие источники, бившие из-под снега, такие же точно, как и в Скорзби-Сунде.



...Мы стояли, скрестив руки на груди,
как капитан Гаттерас...

— И вот н-н-наступит день, — говорил Андрей с пафосом, который производил забавное впечатление при его спотыкающейся речи, — наступит день, когда

мы также поднимемся с тобой на г-г-гребень горы, а перед нами внизу раскроется з-з-зеленая долина!..

Он затевал разговор об этом обычно во время наших лыжных прогулок. В пригородной роще был у нас любимый уголок, живописный и крутой яр, такой глубокий, что даже в апреле на дне его залеживался снег. Хорошо было постоять над яром, выпрямившись и скрестив руки на груди, как по нашим представлениям стояли капитан Гаттерас, Горюнов и Пири. Потом ухнуть и, согнув колени, ринуться вниз по лыжне, мимо мелькающих берез и елей...

Перечитав биографии знаменитых полярных путешественников, мы придумали целую вереницу испытаний, которые должны были закалить наш характер и здоровье.

То Андрею приходило вдруг в голову, что сон в кровати изнеживает, и он, устроив из ватного одеяла нечто вроде спального мешка, к ужасу родителей перебирался на пол. То, узнав из географических описаний, как страдают путешественники в снегах от жажды (снег не утоляет, а разжигает ее еще больше), я принимался упражнять волю и в течение нескольких дней стоически отказывался не только от воды, но и от супа...

Не помню, в ту ли зиму, или в следующую, в один из выходных дней я зашел за Андреем, чтобы отправиться на прогулку.

— П-п-помоги мне с картой вот,— сказал Андрей, ползая на четвереньках по полу, на котором лежало несколько склеенных вместе листов бумаги.

Игра вступила, видимо, в новую фазу. На полу валялись цветные карандаши, резинки, линейка, ножницы. Сам хозяин, пыхтя от усердия, с удивительным проворством передвигался на животе по карте взад и вперед.

Это была карта, нарисованная старательно, но наивно, как рисовали картографы XV, XVI веков: нечто среднее между картиной и картой. Из озер высовывали головы рыбы. Над конусообразными горами поднимались завитки дыма, а на берегу прогуливались человечки с мохнатыми щитами и короткими копьями.

— Онкилоны, — пояснил художник.

На мысе, носившем мое имя, среди скал поднимались постройки полярной станции. Дальше, в устье реки Савчука, обозначены были условными крестиками верфи.

Я ухмыльнулся, увидев, что одна названа Горой Анны (Аней звали девочку, в которую мы с Андреем были влюблены одновременно и оба без взаимности).

— А город я думаю разбить вот на этой поляне, — сказал Андрей, и под его уверенным карандашом стали возникать у зеленой опушки леса белые прямоугольники домов.

— Почему же меридианы и параллели не нанес? — спросил я. — Какие координаты города?

— К-к-координаты пока не известны.

Глава 2

Вскоре жизнь надолго разобщила нас с Андреем. Он уехал с семьей в Донбасс, в Сталино, учился там и стал горным инженером. В письмах (изредка мы обменивались письмами) я отзывался об избранной им профессии со снисходительностью. С моей точки зрения, мне повезло больше, — я стал гидрографом.

...Все сбывалось, как в счастливом сне.

Гидрографическое судно «Нерпа», на котором мне предстояло работать, должно было пройти по границе материковой отмели северных морей, исправляя отдельные неточности на карте. Конечной целью экспедиции была северо-западная окраина моря Лаптевых, где в океан особенно далеко под водой выдавалась материковая отмель. Места эти, вчерне обследованные седовцами во время дрейфа, по-видимому, сулили еще много неожиданностей для гидрографов. Там же располагался и район гипотетической земли Санникова, о существовании которой больше ста лет спорили ученые. Начальник экспедиции рассчитывал к сентябрю быть уже в районе белого пятна.

Я вышел на палубу. Соленые брызги летят в лицо, крепко покачивает.

Над горизонтом протянулась узкая полоска, что-то вроде неподвижного перистого облака. Это отражение далеких, еще не видных льдов — ледяное небо. Потом повеяло холодом, на волнах закачались зеленовато-белые ледники. Кромка льда была недалеко.

У восточных берегов Земли Франца-Иосифа нам пришлось задержаться, зима надвинулась быстро, быстрее, чем ожидали.

Мы спустились к югу, однако южнее обстановка была также неблагоприятна. С тревогой наблюдали мы, как белесая пленка покрыла море. Зыбь от винтов колебала ее, и она собиралась складками, подобно гофрированной стали.

Все плотнее делались льды вокруг. Вечером 29 сентября справа по борту блеснули огоньки с мыса Челюскин. Утром, поднявшись на палубу, мы увидели, что пролив Вилькицкого, соединяющий Карское море с морем Лаптевых, заперт наглухо льдом.

Нам предстояло зимовать у самой северной оконечности материка, в одной из бухт Таймырского полуострова.

Берег Таймыра выглядел безрадостно: плоская тундра чуть заметно поднималась к югу, сливаясь вдали с туманным небом. Мне вспомнилась характеристика Норденшельда, впервые обогнувшего мыс Челюскин на корабле:

«...местность эта была самой однообразной и пустынной из всех виденных мною на Крайнем Севере».

Однообразной она и осталась, но пустынной ее называть было уже нельзя. В шести километрах от бухты, где «Нерпа» отдала якорь, поднимались бревенчатые дома станции, отстроенной еще Папаниным.

Все было здесь добротно, прочно, солидно: жилые помещения, научные павильоны, гараж для вездеходов-амфибий, скотные сараи — целый поселок. Только одно неприятно поражало взгляд — пустынная гладь ландшафта: тундра, льды, вода, — ни деревца, ни кустика вблизи зимовки.

И лишь в кают-компании, так по аналогии с кораблем называлась общая комната, где по вечерам собирались все зимовщики, я увидел зелень, которой так недоставало здесь. Широкие листья пальмы-хамеропс и фикусов глянцевито поблескивали в ярком свете электрических ламп. Увы, то была подделка, искусственные растения в кадках, наполненных не землей, а опилками.

— И на том спасибо, — говорили с улыбкой зимовщики, — зеленый цвет все-таки отдых для глаз. А то ведь выйдешь за порог, — серо да бело все, полярная ночь...

Наступившая ночь, впрочем, показалась мне менее гнетущей, чем я представлял себе.

Это — не крошечная тьма. Нет, на широте мыса Челюскин в самую глухую полярную полночь, то есть в декабре, остается на горизонте, на его южной стороне, слабый отблеск. Метеорологи называют это «краем дня». Похоже, будто солнце, уходя за горизонт, неплотно притворило за собой дверь, оставив узенькую щелку, через которую проникает немного света.

Небо очень ясно, — в полнолуние видно было совсем хорошо, и самолеты, поднимавшие барографы для метеонаблюдений, ежедневно взлетали и садились при самом ограниченном количестве костров на аэродроме.

Физическая работа на воздухе, охота, прогулки на лыжах считались лучшим средством против полярной меланхолии. В большой цене была также шутка. Нигде я не видел, чтобы смеялись так много и охотно, как на этой зимовке.

В ту зиму пищу для острот регулярно подбрасывал Московский центральный телеграф. На самой северной оконечности материка героем дня был Бородавкер.

В адрес мыса летели телеграммы, одна за другой, требовательные, просительные, угрожающие. Бородавкера вызывали в арбитраж, Бородавкера с нетерпением ждали в каких-то учреждениях. Бородавкера по-нуждали выполнить и то, и это. Но зимовщики мыса Челюскин, при всем желании, ничем не могли помочь. Бородавкер никогда не значился в списках зимовщиков.

Кем был таинственный Бородавкер? Почему его связывали с зимовкой?

Вечерами на этот счет в кают-компаниях возникали самые фантастические предположения. Соседи-радикалы с островов «Комсомольской Правды», с Домашнего, с Оловянного, с Уединения и даже с Хатан-

ги сочувственно запрашивали: «Ну как? Куда опять вашего Бородавкера вызывают?».

Полярная эпопея Бородавкера кончилась внезапно.

— Конечно, Челюскинец, — сказал вдруг гидролог «Нерпы», — в этот день зимовщики обедали у нас на корабле. — Ну, ясно, станция Челюскинец! И как это раньше не пришло нам в голову?..

Хохот тотчас покрыл его слова. Телеграфистки спутили подмосковный поселок Челюскинец, что по Северной железной дороге, с мысом Челюскин, лежащим на рубеже двух арктических морей.

Тайна разъяснилась. Радиограмму начальнику телеграфа придумывали сообща, вложив в нее весь наличный запас иронии и сарказма... Веселые это все были ребята — радисты, метеорологи, летчики, монтеры, слесаря, вездеходчики. С каждым я мог легко свести дружбу, но подружился с Тынты Куркиным, знаменитым на побережье каюром и промышленником.

Он был немолод уже, темное худое лицо его, казалось, потрескалось, как земля в тундре, — так глубоко и часты были морщины. Но двигался он удивительно быстро, стрелял без промаха и на лыжах обгонял меня без труда.

Вездеходчиков — представителей механической тяги — старый каюр не любил. У него были с ними давние счеты. Как-то, когда он отправился в свой обычный обход капканов, один из вездеходчиков выехал ему навстречу, чтобы подвезти груз шкурок. Он думал сделать этим приятное старику. Не тут-то было. Куркин раскричался, затопал ногами:

— Всю тундру мне провонял, — кричал он. — Бензин твой услышит песец, в капкан не пойдет... Теперь капканы надо в другое место переносить...

Собачьи упряжки и вездеходы на Таймыре взаимно дополняли друг друга. Вездеходы поднимают до

полутонна груза; в крытом балагане на кузове можно расположить и лабораторию, и кухню, и мастерскую. Зато нарты удобнее для разведок в глубь тундры.



... Он раскопал мох, лежавший под
снегом

Обычно в дальних походах колонну вездеходов сопровождало несколько собачьих упряжек, подобно юрким посыльным судам при флотилии тяжелых кораблей. Куркин при этом из самолюбия старался держаться всегда на полкорпуса впереди вездехода.

Тынты был незаменим как проводник. Он прекрасно ориентировался в однообразной, плоской тундре,

угадывая дорогу по совершенно неприметным для других признакам. Однажды при мне он раскопал хореомох, лежавший под снегом, внимательно рассмотрел его, потом сказал удовлетворенно: «Знаю эту землю. Был здесь летом» — и вывел вездеходы к морю.

— Ты таймырский Кожаный Чулок, — сказал я ему вечером. Мы сидели в его комнате и перевязывали собакам лапы, израненные о фирновый лед, — часть пути пришлось идти проливом. Куркин поднял голову и вынул трубку изо рта. Я описал ему подвиги Кожаного Чулка.

— Нет, — вздохнул он, — я плохой следопыт, знаешь. Под землей глубоко не вижу. Другие видят лучше...

И он рассказал историю каменного меридиана.

В бытность свою на Новой Земле случилось Куркину сопровождать геолога зимовки в поездке в горы. Поездка оказалась несчастливой. Геолог упал, сломал ногу, Куркину пришлось тащить его на себе. На полпути налетела пурга. Отсиживаться было некогда, пробиваться наугад тоже не имело смысла — геолога при падении угрожало разбить компас.

Как определить, где север, где юг, когда вокруг только белая муть?

— Копай землю, Куркин, — сказал тогда геолог. Куркин всмотрелся в него. Не бредит ли он? Геолог повторил приказание.

Вдвоем они принялись быстро копать землю и дошли до коренных скальных пород. Геологу достаточно было увидеть, как залегают горные пласты, чтобы определить свое местоположение. Ведь Новая Земля представляет собой горный кряж, вытянутый по длине с севера на юг и почти совпадающий с направлением меридиана. А с направлением горного кряжа совпадало и простираение горных пород...

— Это следопыт, — сказал Куркин, — а я что? Я охотник.

...За долгую зиму-ночь мы исходили с Куркиным много километров по берегу, побывали в бухте, где отстайвалась «Вега» Норденшельда, ночевали в домике, построенном спутниками Амундсена.

Сполохи играли на северо-восточной стороне неба. Складки северного сияния колыхались, будто их раздувал едва заметный ветер. Что там, за этим радужным занавесом, — ворота в сказку или все такой же пустынный безбрежный лед?

Я подолгу простаивал так, опершись на ружье и неотрывно всматриваясь в даль. По ту сторону пролива, в каких-нибудь тридцати пяти милях к северу, начиналась Северная Земля. С мыса Челюскин ее видно только в очень ясную погоду, обычно горы ее задернуты непроницаемой пеленой.

Мысль о Северной Земле с тех пор, как я узнал историю ее открытия, неизменно поддерживала и ободряла меня.

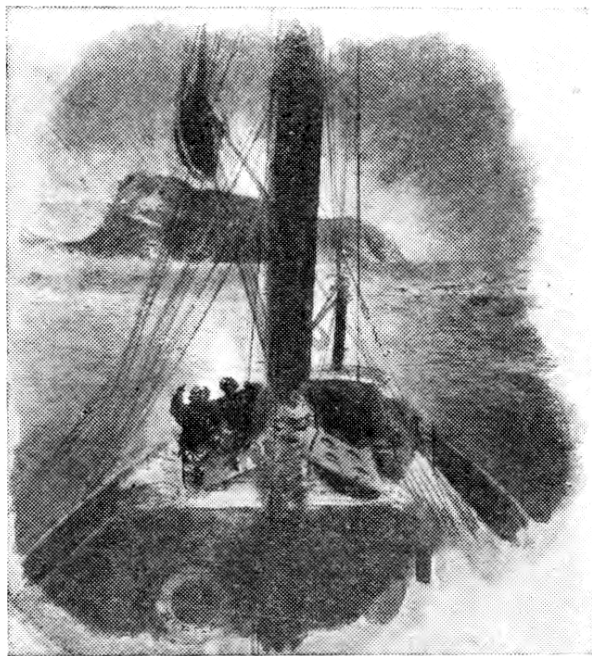
Если уж этот огромный гористый архипелаг, расположенный совсем рядом с материком, открыли так поздно, то что ж удивительного, что не открыта еще Земля Санникова?

Минуло двести лет с тех пор, как штурман Семен Челюскин, участник экспедиции лейтенанта Прончищева, добрался на собаках к мысу, названному впоследствии его именем. Семен Челюскин долго стоял, держа у глаз подзорную трубу и вглядываясь в неспокойное море. Даль затянута была туманом. Туман, туман, — хоть режь его ножом!

В 1878 году Норденшельд подошел к мысу с запада, морем. Туман был таким густым, что моряки, стоявшие на носу, не видели кормы своего судна. «Вега» и «Лена» перекликались гудками, чтобы не наско-

чить друг на друга. Впереди были льды. Норденшельд стал на зимовку.

На следующее лето, в такой же туман, он обогнул Таймыр и поплыл дальше на восток, не догадываясь, что был всего в нескольких десятках миль от неизвестного архипелага.



В клочьях тумана вырисовывались
контуры земли

Нансен на «Фраме» прошел мимо Северной Земли, оставив ее влево по борту, и не заметил ее.

В 1901 году у мыса Челюскина зимовала экспедиция Толля, отправлявшаяся на поиски Земли Санникова. Толль также не увидел на севере ничего, кроме тумана.

Долгие годы все пространство, занятое в действительности обширной гористой страной, закрашивалось на карте ровной синей краской.

Только Вилькицкий, возвращаясь на «Таймыре» и «Вайгаче» после картографических изысканий на востоке, случайно наткнулся на Северную Землю. Он пытался обойти ее, долго шел на север и вынужден был вернуться, встретившись со льдами, так и не увидев, где же кончается открытый им архипелаг.

По существу вторично открыл Северную Землю Ушаков, заменивший, наконец, четкими линиями на карте прерывистый и неуверенный пунктир...

Теперь, вспоминая о своих размышлениях на пологом берегу Таймыра, я представляю тогдашнюю свою позу отчасти как символическую. Я стоял лицом к океану, где клубился туман, и спиной к полуострову, к далеким горам Бырранга.

Тот год, кстати, был необычайно оживленным на полуострове. Значительно западнее нас, в устье реки Нижней Таймыры, зимовала экспедиция, командированная Институтом рыбного хозяйства. Она должна была подняться вверх по реке к озеру, из которого вытекает река, и выяснить возможность организации там рыбного хозяйства. Однако катера экспедиции не смогли преодолеть течение: заупрямилась Таймыра — река бурная и своенравная. Пока меняли конструкцию гребных винтов, подошла зима.

— Поглядели бы, какая река, — оправдывался начальник экспедиции, когда моряки с «Нерпы» принимались его вышучивать. — Течение такой быстроты, что вода не замерзает в некоторых местах. Мчится, сломя голову, в глубоком ущелье. Представляете, — настоящий каньон!

Места в центре Таймыра, по его словам, были глухие, нехоженые, особенно горы Бырранга, перегораживающие полуостров с запада на восток.

— Начнешь спрашивать у географов, кто там бывал, обязательно вспомнят Миддендорфа, — говорил рыбовод с иронической улыбкой, — за сто лет после Миддендорфа там почти не был никто...

Миддендорф, по его мнению, сделал открытие огромной важности, незаслуженно забытое и не разработанное до конца его учениками. Он обнаружил, что нигде на земле лесная растительность не проникает так далеко на север, как на Таймырском полуострове. Высокоствольный хвойный лес в Норвегии близ Альтена считался форпостом лесов в северных широтах. Между тем Альтен лежит всего под 70 градусом северной широты, тогда как Миддендорф на Таймыре наблюдал лес градуса на три севернее.

«Тому должно быть благоприятствуют особые местные обстоятельства», — замечает Миддендорф, но замечает мимоходом, не делая более никаких пояснений.

Мне запомнились слова знаменитого географа. Наверное, в другое время и при других обстоятельствах я иначе отнесся бы к этой загадке. Но знакомство с участниками речной экспедиции произошло уже на исходе зимы, когда мы готовились к продолжению нашего плавания.

«Край дня», светлая щель на южной стороне горизонта, имевшая до того зеленовато-желтый оттенок, стала медленно наливаться багрянцем. Солнце приближалось к нашим широтам.

15 февраля долгожданный луч сверкнул над тундрой...

Весной возобновились регулярные рейсы самолетов, и домой со всех зимовок полетели толстые пачки

писем. С одним из самолетов я отправил письмо в Москву, где в одном из научно-исследовательских институтов работал Андрей. Я подробно описывал свою первую зимовку, охотничьи подвиги. Упомянул о неисчерпаемых залежах угля на Таймыре. Привел по памяти и слова Миддендорфа об «особых условиях».

Возможно, что в тот день, когда «Нерпа» вышла, наконец, в море Лаптевых, Андрей уже получил мое письмо и, подойдя к карте на стене, с напряженным интересом вглядывался в очертания самой северной оконечности Евразии.

Глава 3

Капитаны не любят моря Лаптевых.

У него плохая репутация и обидные прозвища: «ледяная западня», «ледяной погреб». Течения здесь прихотливы, погода изменчива. На этом участке Великого Северного Морского пути караванам судов приходится бесконечно маневрировать, двигаясь зигзагами, беря то южнее, то севернее, в поисках свободной ото льдов воды.

Тем большее значение приобретают для мореплавателей точные и подробные лоции.

Вначале «Нерпа» двигалась вдоль берега, потом все круче стала забираться к северу. Весь коллектив нашего гидрографического судна, охваченный вдохновением научной работы, жил только «от пробы к пробе», от одной научной гидрологической станции до другой.

...Гидрохимики склоняются над пробирками и колбами. Каждая проба, поднятая батометрами с обследуемого горизонта, подвергается бесчисленным химичес-

ким анализам: на кислород, на азот, на кремний, на соли. Важно установить, где берет начало обследуемое течение, какого происхождения его воды — атлантического, арктического или речного?

Гидробиологи, чуть дыша, сортируют пинцетами свой пестрый и богатый улов, сваленный в таз. Рачки-калянусы в пунцовых жилетах, очень маленькие, похожие издали на мелкозернистую икру, шевелят длиннейшими усами. Рядом лежат микроскопические водоросли, они играют большую роль в арктических морях, так как способствуют разрушению льдов, скапливаясь на их поверхности.

Добыча биологов — планктон — также дает представление о характере различных течений. По-гречески планктон значит блуждающий. Вся эта микроскопическая живность не умеет самостоятельно плавать и уносится течением вместе с пластом воды, в который она «вкраплена».

Гидрогеологи сосредоточенно разглядывают пробы грунта, по которым они будут устанавливать зависимость между течениями и расположением отдельных минералов на дне моря. Зависимость эта — самая тесная. Накануне зимовки с помощью карты тяжелых минералов, залегавших на дне пролива Вилькицкого, нам удалось обнаружить новое придонное течение, раньше ускользавшее от внимания исследователей.

Эхолот показывает глубины 54, 41, 70. Пока еще мы идем по краю материковой отмели и на регистрационной ленте прочерчивается волнообразный, без резких зигзагов след. Таков рельеф дна под килем «Нерпы».

Огромное удовольствие доставляет мне следить за лентой эхолота. В воображении проплывают картины Северной Атлантиды. Название это придумано кем-то из журналистов и как нельзя более удачно, — вся

материковая отмель, составляющая дно морей: Баренцева, Карского, Лаптевых и Восточно-Сибирского, была когда-то сушей. Холмы и равнины, над которыми, таща трал, медленно проходит наше судно, являются продолжением берегов Евразии, они затонули много тысячелетий назад.

Происходит как бы качание доски, положенной на упор. Скандинавский полуостров, Гренландия и Шпицберген поднимаются над водой, — примерно на метр в столетие, — а на другом конце доски, в Сибири, земля неотвратно погружается в воду.



На горизонте остается слабый отблеск — «край дня»...

Извилистая линия рельефа постепенно начинает удаляться от края ленты; эхолот отмечает глубины 92, 130, 270 метров и вдруг сразу, рывком — 1542 и вслед за тем 2381. Не выходя из каюты на палубу, я могу с уверенностью сказать, что «Нерпа» повернула к северо-востоку, пересекая залив, далеко проникающий в материковую отмель со стороны океана.

Берега древней Евразии были круты и обрывисты; сразу за материковой отмелью начинаются большие глубины.

Несколько дней мы идем над подводным заливом.

Ледовая обстановка этим летом необычайно благоприятствует свободному плаванию в высоких широтах. Тяжелые ледяные поля скопились в юго-восточной части моря Лаптевых, открыв широкий просвет на севере.

«Нерпа» благодаря этому смогла подняться к 80-й параллели и здесь круто повернула на восток.

30 августа над глубиной 3400 метров мы пересекли линию нансеновского дрейфа, и лихорадочное волнение охватило участников экспедиции, — мы вступили в страну миражей, в район гипотетической Земли Санникова.

Не проходит вечера, чтобы в кают-компании, в нашем дискуссионном клубе, не затевались теперь ожесточенные споры.

— Опять суются со своей Землей, — морщатся скептики. — Доказано, ведь: привиделась Земля! Аберрация, рефракция, мало чего... Вон Росс целый горный кряж увидел, ища северо-западный проход. Перед ним пролив был, чистая вода, а ему горы померещились. Так и повернул обратно... Его обман зрения на карту нанесли. Горы Крокера, как же!..

— А Амундсен, Амундсен! Над полюсом недоступности с «Норвегии» вдруг увидел целый архипелаг. Ликование! Щелкают фотоаппараты. Подлетели ближе: архипелага как не бывало. Развеяло ветром вместе с туманом...

— Это что, — вступает третий скептический голос. — Норденшельду остров почудился в тумане. Подплыли в лодке, а это голова моржа на льдине...

— Позвольте, позвольте, — горячатся «санниковцы». — Санников видел две земли одновременно: одну на север, другую на северо-запад от Новосибирских островов. Вторая оказалась на месте. Де-Лонг наткнул-

ся на нее: остров Беннет, пожалуйста! А как же та, что была видна на севере? Ведь он их одновременно видел... Какой же это мираж, согласитесь...

— Мираж, который вдобавок возникает всегда на одном месте... Толль ясно видел гористую землю и также на север от Котельного...

— Насчет гор помолчали бы лучше. Совсем бред... Толль ваш считал, что они высотой до 2225 метров. Каково? Да таких гор и на материке в этой части Сибири нет. И не могло быть...

— Ну, хорошо, а птицы?

Упоминание о птицах вызывает смех скептиков.

— Внимание! Главный козырь сбрасывают!

— Ну и что же? Попробуйте, объясните с птицами. Нансен, находясь западнее Котельного, видел гаг, летевших на север. Видел? Где они летовали?

— Очень просто. На Беннете.

— Допустим. А как понять записи Толля, найденные на Беннете. Над Беннетом пролетали: морской орел с юга на север, сокол и гуси с севера на юг?

— А вот как! — Наш синоптик, принадлежащий к партии скептиков, прокашливается. — Птицы отправлялись к кромке льда. Там летом полно водорослей, рачков, рыб, масса корму.

— На кромке гнездовать нельзя. Где же они птенцов выводят?

— Ну, знаете! Искать дорогу на остров по воздушному следу птиц...

— Всякий след хорош, если приводит к цели, — парировали мы, — вот ведь Ляхов... Он по следу оленей нашел два южных острова Новосибирского архипелага...

Скептики пожимали плечами.

— Увольте от таких примеров. Если говорить о следах, которые привели к открытию земли, так говори-

те о морских течениях, о дрейфе льдов... Вы не Ляхова вспомните, а Шиллинга, Литке, Кропоткина, угадавших по дрейфу льдов Землю Франца-Иосифа. Или Визе, который по зигзагам пути брусиловской «Святой Анны» определил: в центре Карского моря должен быть остров! И нашли остров...

Упоминание о дрейфе льдов подливало масла в огонь.

— Мы и о таких следах помним,— торжествовали «санниковцы». — Посмотрите на карту. Направления дрейфов «Фрама» и «Седова» показывают, что между ними, примерно в широтах Земли Санникова, лежит льдораздел — суша. Она оставалась справа от «Фрама» и от «Седова» слева...

— А почему ни Нансен, ни седовцы не увидели ее?

— Полярная ночь! В каком месяце они были там? То-то и оно. В январе. В пяти шагах не видно ни зги.

— Про песцов не забудьте, — раздавался несмелый голос из угла, — песцы ведь прибегали к «Фраму», подкармливались отбросами. А они обычно живут в норках. Значит была поблизости земля?!

«Антисанниковцы» делали новый выпад.

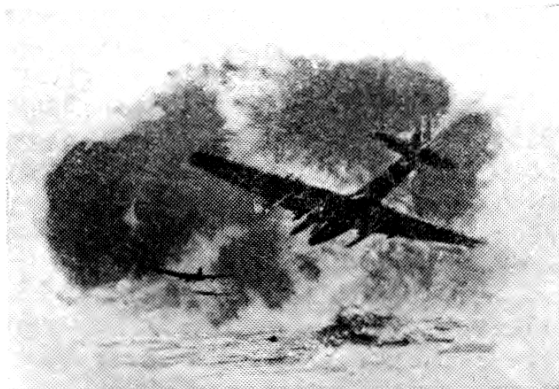
— Вы верите в птиц, — говорили они, — мы — в самолеты. Сколько раз пролетало над этим районом звено Алексеева, когда эвакуировало людей с «Садко», «Малыгина» и «Седова». И что же? Никаких признаков земли!

— Потому что земля севернее и покрыта туманом, — не сдавались мы.

— Нет уж, странная все-таки ваша земля. Еще в прошлом столетии ей везло. Ее видел Санников, ее видели Толль и его проводники. А уж в нашем столетии... — Скептики красноречиво разводили руками.

— Так что же это по-вашему? Массовая галлюцинация? Или земля под лед нырнула?..

Тут разговор переходил на гипотетические земли вообще, на те появляющиеся и исчезающие на картах острова, против которых стоят две условных буквы «сс» — «существование сомнительно».



Сколько раз пролетало над этим районом звено Алексева...

Припомнили, конечно, «Большую Землю Копая», показанную на парижской карте 1726 года к западу от острова Врангеля с пометкой: «Сию землю видел шеллагский мужик Копай». Две экспедиции сержанта Андреева в 1763 и 1764 годах, однако, не решили вопроса об этой земле.

Припомнили Землю Джиллиса-Петермана к северо-востоку от Шпицбергена. Ее существование предполагал Баффин, ее видели капитан Джиллис в 1613 году, адмирал Макаров в 1899 году, а в 1925 году Уорслей. Но ни «Красин», ни «Книпович», ни «Персей», ни «Садко» в советские годы не обнаружили признаков ее существования.

Припомнили и остров Ратманов в Беринговом проливе, долго темневший маленькой точкой на карте, и

однажды, когда к нему приблизился корабль, бесследно растаявший в воздухе, как дым.

— Да, много хлопот у картографов с этими землями, — задумчиво заметил кто-то, — то наноси, то стирай. Возня!

Тут, понятно, припомнили известный среди гидрографов анекдот. Один из островов Северной Земли был назван из-за обилия на нем птиц чистиков Островом чистиков. Картографы напутали и обозначили его, как остров Чистякова. Так появился в Арктике новый исследователь, открыватель земель.

А пока в кают-компании звучал мужественный смех и противники изощрялись в остроумных аргументах и язвительных шутках, в ушах пишущего эти строки, который, в сознании собственной незначительности, скромно сидел где-то в уголке, звучали слова якута Джутели, проводника Толля.

Спрошенный Толлем, «хочет ли он дойти до земли», — а горы ее в ясную погоду были отчетливо видны с Котельного, — Джутели ответил кратко: «Раз наступить — и умереть!»

— Да, — самозабвенно думал я, — раз наступить — и умереть! Вот девиз исследователя-романтика, открывателя новых земель!

«Нерпа», между тем, лавируя среди льдин, продолжала двигаться на восток. Третий день уже находились мы внутри белого пятна. Признаков земли не было.

Материковая отмель в этом районе необычайно далеко выдается на север. Эхолот показывал очень медленное нарастание глубин.

Первого сентября налетел шторм. Он бушевал несколько дней и расчистил широкое пространство, нечто вроде залива во льдах, и по нему «Нерпа» смогла подняться еще на полтора градуса к северу. Так далеко в

этих местах летом и по чистой воде не забиралось еще ни одно судно.

...Эхолот показывает мелководье. Местами линия делает короткие скачки в сторону, это — подводные ухабы, небольшие холмы, одинокие скалы. Вот-вот линия сделает резкий и длинный зигзаг. Я боюсь этого момента. Это будет означать, что древний берег Сибири круто оборвался и начались уже океанические глубины. Тогда прощай Земля Санникова! Мало вероятно, чтобы за границами отмели могли существовать острова.

Даже скептиков, как ни хорохорятся они, видимо, лихорадит. Они забегают ко мне в рубку, будто невзначай взглядывают на показания эхолота и, чертыхнувшись, убегают по своим делам.

Гидрогеологи еще придирчивее анализируют пробы морского грунта. Он странен. Очень много крупнозернистых, слабоокатанных обломков. Такие обломки оседают обычно вблизи центра разрушения или в зоне холодных течений, для которой характерен зеленый минерал глауконит, но его нет в пробах. Значит?

— Не исключены подводные кряжи или... или надводные острова... — говорят осторожно геологи.

Гидробиологов также раздирают сомнения. Во вчерашнем улове найдены коловратки — мельчайшие, похожие на инфузории организмы. Коловратки населяют прибрежные воды моря. Это доказано неопровержимо. Но вокруг нас расстилается безбрежное море, без всяких признаков суши.

Густая завеса тумана висит на горизонте. Проклятый туман!..

6 сентября меня разбудил на рассвете сосед по каюте.

— Восемь метров! — закричал он, сдергивая с меня одеяло, — вставай же! Слышишь, — эхолот показал во-семь метров!

Мы бросились к эхолоту. Линия замерла на восьми метрах, прижавшись почти вплотную к краю ленты. Капитан приказал остановить машины. Продвигаться в тумане было опасно. Корабль мог наскочить на мель или подводные рифы.

У борта на палубе толпился народ, держа бинокли наготове. Туман, низко клубившийся над водой, медленно рассеивался.



Земля!

Земля! В клочьях тумана все четче вырисовывались контуры неизвестной земли.

Солнце, поднявшись, осветило серый безжизненный купол, покрытый полосами снега. Над северной частью острова туман еще держался, но и там, по-видимому, не было ничего, кроме снега и камня.

Шлюпка ткнулась с разгона в прибрежный лед, и наш начальник выпрыгнул на берег. Право первому вступить на вновь открытую землю всегда, по традиции, принадлежит старшему в экспедиции.

В какой-нибудь час с небольшим мы обошли остров. Поверхность купола не была такой гладкой, как нам казалось издали. Она была всхолмлена, бугриста. С нагромождений камня, ослепительно сверкая на солнце, струились водопады, — бесшумно, без плеска, без пены и брызг. Мы подошли ближе и увидели, что это — висячая наледь.

Я брел, проваливаясь в талом снегу, осматриваясь с чувством тревоги и разочарования. Где же те высокие горные склоны, которые привиделись Толлю и Джугели? Где голубые озера, вскипающие в тесных берегах? Где зеленые поляны и величественные леса, которые так ясно рисовались моему воображению?.. Небо над нами было пасмурно. Прямо в лицо дул колюче-холодный, пронизывающий ветер.

Добравшись до северной оконечности острова, мы в бинокли разглядели еще несколько темных пятен вдали. Подойти к этим дальним островам на шлюпке не удалось из-за стамух — льдин, примерзших ко дну на мелководе. Летчик экспедиции поднялся в воздух. Возвратившись, он доложил, что архипелаг, открытый нами, состоит из четырех островов.

Под сравнительно тонкой коркой земли мы нашли ископаемый лед. Острова поднимались над водой на ледяном пьедестале. Это был реликт древней эпохи великого оледенения, охватившего некогда Европу и почти всю Сибирь.

В науке существуют предположения, высказанные в свое время Э. Толлем, Воллосовичем и другими, что часть материка вместе с покрывавшим ее льдом постепенно погрузилась под воду Ледовитого океана. Спустя много веков начался обратный процесс — поднятие. При этом из части массива образовались острова.

Со временем на поверхности льда образовалась корка грунта и растительного слоя.

В то же время медленно и неотвратно таяла ледяная основа архипелага. Вода размывала ее, подтачивала, разжижала, ускоряя гибель ледяных островов.

До нашей экспедиции были известны острова с ледяным основанием лишь в сравнительной близости от материка. Это — остров Муостах у устья Лены, острова Семеновский и Васильевский к западу от Новосибирских островов. Наша же экспедиция обнаружила целый архипелаг островов, состоящих из льда и покрытых почвенными наносами, значительно севернее известных до сего времени.

Название вновь открытым землям было подсказано жизнью: Архипелаг Исчезающих Островов. Оно было принято правительством и появилось на картах против четырех точек к северо-западу от острова Генриетта, на $78^{\circ}21'30''$ северной широты и $144^{\circ}15'28''$ восточной долготы по Гринвичу. Местоположение Архипелага было очень выгодно для наблюдений за изменением погоды и передвижением льдов.

Поэтому на одном из островов Архипелага был оставлен «сторожевой пост» — зимовка. В числе трех зимовщиков оказался и я.

Глава 4

Время отсчитывало уже последние годы жизни тающего Архипелага.

Прошло бы еще лет двадцать, и экспедиция, забравшись в ледяные дебри моря Лаптевых, не обнару-

жила бы здесь ничего, кроме стамух, торчащих на мелководьи.

История арктических исследований знает подобные примеры. В 1739 году к востоку от Святого Носа Лаптев обнаружил островок и дал ему имя Диомида. Видел его и Шалауров в 1761, но ни Геденштром с Санниковым в 1810, ни лейтенант Анжу в 1823 уже не застали его. Врангель предположил, что остров Диомида был смыт начисто.

Сколько таких эфемерных земель, дразня мореплавателей, возникали на своей непрочной ледяной основе в полосе материковой отмели и исчезали.

На самом материке ископаемый лед был лучше изучен. Он плотно спрессован и залегает в земле пластами. В нем иногда находят трупы мамонтов, свидетельствующие о давности его происхождения. Ископаемый лед пока что встречен только на Новой Земле, в Якутии, в районе к западу от Байкала и на Новосибирских островах. К северу от них находился и Архипелаг Исчезающих Островов, ставший на долгие месяцы «домом» для меня и других зимовщиков.

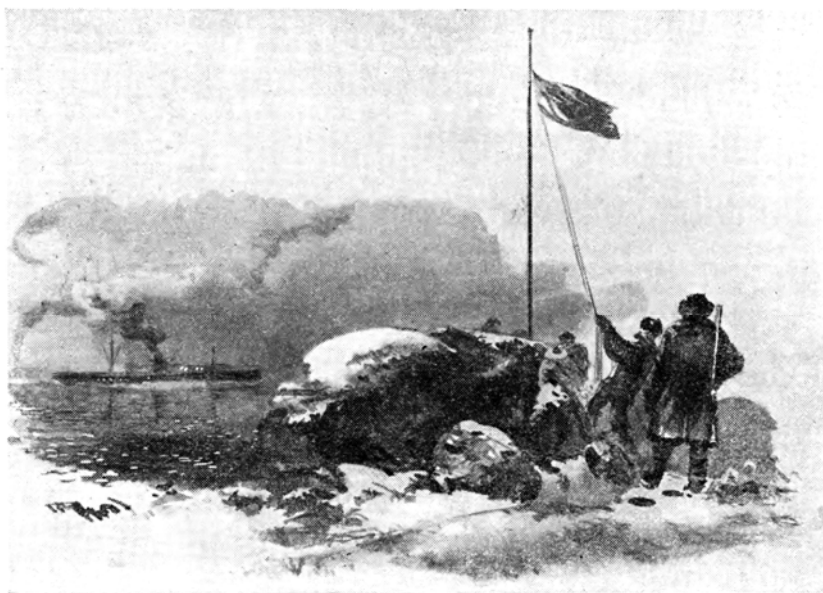
Мы не скоро приновились к необычайной обстановке этого реликтового мирка.

Жилье наше обогревалось железной печью, пол был устлан войлоком и медвежьими шкурами. Термометр, висевший на стене, показывал 15-17 градусов тепла, но вода, разлитая на полу, сразу же замерзала.

Малейшее нарушение температурного равновесия в мерзлой почве приводило к удивительным, а порой и опасным явлениям.

В начале зимы в центре острова произошло извержение «ледяного вулкана», которое могло окончиться для нас трагически.

В толще вечной мерзлоты очень тесно грунтовыми водами. Снизу — ископаемый лед, сверху — слой мерзлой почвы. Вдобавок, с осени над Архипелагом устанавливался антициклон. Снег выпал поздно, и лишенная его покрова земля промерзла на еще большую глубину, чем обычно. Вода была стиснута теперь снизу и сверху.



На острове

Погруженный нами на глубину 13 метров особый прибор показал огромное давление в 70 атмосфер. Наш геофизик тревожно покачивал головой. Можно было ожидать взрыва.

Страшно наблюдать за тем, как под напором почвенных вод вздувается, бугрится, набухает земля. В центре острова среди маленьких бугров образовался курган, который поднимался с каждым днем все вы-

ше и достиг 20 метров высоты. Мы зарегистрировали его рост при свете магния маленькой кинамкой*. Установлены были дежурства, чтобы не пропустить момент взрыва. На всякий случай на нарты были погружены аварийные запасы и радиостанция.

Ветер, бушевавший несколько дней, стих, и в ясном морозном воздухе стал слышен зловеющий треск — предвестник взрыва.

Никто из нас не мог заставить себя заснуть. Правда, наш дом отстоял сравнительно далеко от «вулкана», но остров был очень мал, и предугадать силу и последствия будущего извержения было трудно.

Когда раздался, наконец, грохот, мы выбежали наружу.

Темносинее небо было прозрачно. Льдины еще сыпались на землю, но из развороченной воронки уже хлынула, подобно лаве, вода. Потоки ее, матово отсвечивая в лучах луны, стекали в море, подхватывая и унося за собой осколки льда. Мы любовались этим зрелищем недолго, потому что вода подступила к постройкам станции вплотную, льдины дробно застучали в стены дома. Нам пришлось вооружиться баграми, чтобы в течение нескольких часов защищать постройки от натиска льдин. Один из сараев с припасами вода все же смыла в море, несмотря на все наши усилия.

Когда непосредственная опасность миновала, мы возвратились к «вулкану». Кратер его был окутан облаком испарений. Вода то поднималась, то спадала в воронке, а вокруг по скату все покрылось уже гладкой ледяной коркой. Ночь была попрежнему ясной, и мороз, при котором разыгралось это подлинно весеннее буйство воды, достигал 45°.

* Кинамо — портативный киноаппарат.



...Из развороченной воронки хлынула
вода...

Нужно было на будущее как-то обезопасить себя от капризов стихии. Нас пугала возможность «ледяных извержений», смещений грунта, трещин, провалов, наледей, — все, чем чревато было пребывание на этом острове. По радио мы снесли с Институтом Мерзловедения в Москве и нам дали совет огородить район станции «подземным ледовым барьером». Мы вырыли ров, направление которого совпадало с направлением господствовавших на острове ветров. Ветры выдували снег, и земля на дне рва промерзала особенно глубоко. К лету станционные постройки были обнесены наглухо рвом, которому соответствовал невидимый надежный барьер в мерзлом грунте.

У берега гревели обваливающиеся глыбы земли и снега, — остров покорно отдавал дань океану.

Бреющим полетом над крикливым птичьим базаром пронесли самолеты, сделали круг и сели на воду в бухте.

Наш остров превращен был в базу для самолетов, обследовавших полюс недоступности. Безжизненная ледяная пустыня лежала в северо-восточном секторе Арктики между Архипелагом Исчезающих Островов и берегами Аляски, *Mare incognitum* — неизвестное море.

А когда наступила осень, кончились экспедиционная страда и заботы, связанные с летней навигацией, наш коллектив, отказавшись от смены, остался еще на одну зимовку, чтобы обеспечить непрерывность важной научно-исследовательской работы, проводимой в зимние месяцы.

По нашим подсчетам остров терял ежегодно по 40 квадратных метров своей территории. На второе лето самолетам пришлось переменить место стоянки — бухты не было больше, линия берега стала ровной, точно его срезали ножом. Жилые постройки также пришлось отнести подальше от берега — слишком угрожающей сделалась близость моря. Аэрофотосъемки показывали, как изменились за год очертания Исчезающих Островов. Пройдет еще десять-двадцать лет, и от нашего Архипелага не останется и следа.

На третью весну завезена была на самолетах новая группа зимовщиков, а мы улетели в Тикси.

Мои товарищи задержались в Тикси на несколько дней, а я упросил летчика почтовой авиации, отправлявшегося на Диксон, взять меня с собой. Устроившись в фюзеляже самолета на тюках с почтой, я быстро уснул.

Проснулся я от неприятного ощущения под ложечкой. Самолет кидало из стороны в сторону.

— Потеряли ориентировку, — прокричал мне в ухо бортмеханик. — Туман. Жирокомпас отказал, рация не работает. Попали в магнитную бурю.

Судя по карте давно должны были появиться вышки Диксона, но в просветах тумана внизу все мелькала серая тундра.

Надвинулась ночь. Горючее было израсходовано. Пилот повел самолет на посадку.

Мы провели ночь у костра, обсуждая свое положение.

Центральная часть Таймыра, по моим сведениям, представляла собой настоящее белое пятно. Кочевья туземцев разбросаны были на огромном расстоянии друг от друга.

Решили: пилоту оставаться у самолета, нам с бортмехаником, ориентируясь по солнцу, идти на запад в поисках людей.

Мы смастерили себе подобие лыж и двинулись в путь.

Шли день, два, три по безграничной снежной пустыне. Солнце показывалось над горизонтом ненадолго, — был еще только март.

На четвертый день мы заметили, что снег сделался рыхлым, лыжи стали проваливаться. В марте в центре Таймырского полуострова началась оттепель! Это показалось нам невероятным. Я помнил по зимовке на Челюскине, что снег там начинал таять лишь в конце мая. Бортмеханик тоже с тревогой поглядывал на небо, по которому быстро неслись темносерые тяжелые тучи.

Подули теплые, юго-западные ветры, снег превратился в кашу, все вокруг поплыло. Теперь мы продвигались с огромным трудом и мучительно медленно...

От ослепительной белизны снега болели глаза. Временами горизонт заволакивала пелена. Мы останавливались и ложились в снег, ожидая, что вот-вот налетит пурга. Все было тихо по-прежнему, горизонт ясен. Вскоре мы поняли, что нас обманывает утомленное зрение.

Перебираясь через лужу талой воды, я оступися и, по-видимому, вывихнул сустав. Теперь я брел, опираясь на палки и волоча за собой больную ногу. От боли кружилась голова, и все чаще я ловил на себе обеспокоенные взгляды своего спутника.

Я плохо помню перипетии нашего странствования: в моем мозгу действительность причудливо смешалась с бредовыми картинками. Как будто бы мы вошли в ущелье, склоны которого были свободны от снега. Потом я увидел траву и не удивился этому, точно это было в порядке вещей. Ущелье сомкнулось, оставив очень узкий проход. Мы прошли через него и вступили в новое. Целая вереница таких ущелий, подобная анфиладе прекрасных зеленых комнат, открывалась впереди. Мой товарищ что-то взволнованно объяснял мне, куда-то показывал, но я уже не слышал его. Силы мои пришли к концу. Боль в ноге сделалась нестерпимой, и я потерял сознание. Последним моим ощущением было тепло от сладкой жидкости, которую механик насильно вливал мне в рот из своего термоса. Помню, — лицо его было испугано и сердито, он поддерживал мою голову и стеклянным горлышком старался разжать крепко стиснутые зубы...

Через мгновение, — так показалось мне, — я снова открыл глаза. Прямо передо мной белела стена и поблескивали металлические прутья кровати, на которой я лежал.

Я перевел взгляд чуть левее. Там было широко открытое окно, а за окном сад. На подоконнике стоял гра-
ненный стакан с ландышем.

- Вам лучше? — спросил женский голос.
- Где я? Да, мне лучше. Меня перевезли на юг?
- Нет, это — Таймыр.
- Таймыр? Но, значит, лето уже? Я долго болел?
- Вас нашли с товарищем только вчера.



...все заволокло прозрачной дымкой...

- Не понимаю. Почему...
- Товарищ Савчук все объяснит вам сам.
- ...Савчук? Таймыр? Сад?..

Я лежал тихо. Женщина подумала, что я заснул и вышла.

Вечерело. Горы вдали, зеленые террасы, ветви деревьев, подступивших вплотную к дому, — все заволокло полупрозрачной дрожащей дымкой.

Я стал рассматривать комнату. На стенах висели ружья, схемы, карты. По-видимому, это была рабочая комната Савчука. На столе лежала раскрытая книга. То был Миддендорф, описывавший свое путешествие на Таймыр в 1843 году.

«Целое столетие, — прочитал я, — прошло с тех пор, как Лаптеву с Челюскиным, с невыразимыми трудами и опасностями..., удалось снять берега Таймырского края. Им мы обязаны приблизительно верным очерком этого полуострова и его оконечностей. Через столет, как сказано, мне досталось пополнить раму, оставшуюся после них пустою. Эта богатая задача могла быть выполнена мною крайне недостаточно, и однако, пройдет может быть столетие прежде, нежели другой странствователь решится нарушить тишину этих пустынь с намерением приумножать сведения о любопытном крае. Оцепенев в первобытном состоянии, этот край в течение столетий представляет в себе живую картину детского состояния человеческой жизни на земном шаре»...

— О, ты поднялся уже, — услышал я за спиной знакомый голос и обернулся. В дверях стоял Андрей. Мы обнялись.

Глава 5

— Да, задал ты мне работу! — Андрей засмеялся озорно и весело. — Нет, осенило меня сразу, только дочитал в твоём письме, помнишь, с мыса Челюскин, до «неисчерпаемых запасов угля». Метнулся в библиотеку, листаю Миддендорфа. Ура, есть подтверждение! Раскопал библиографическую редкость, Третьякова о

Туруханском крае, — то же!.. Представь, у Элизе Реклю, и у того нахожу упоминание о подземных пожарах угля!..

Я молчал, любуясь его счастливым волнением. Повидимому, он истолковал мое молчание иначе, смущенно покашлял, прошелся по комнате и, остановившись подле моей кровати, с неуклюжей заботливостью поправил сбившиеся подушки.

— Как же ты, дружище (он сказал это совсем тихо), сам-то как прозевал разгадку... Был, можно сказать, на пороге, шаг бы еще, и — вот она, наша Зеленая страна!.. А не угадал, не сделал этого шага...

Он зажег электричество. Присев на край кровати, расправил на одеяле карту Таймыра.

— Взгляни на эту часть тундры, — тон его был уже сух и деловит. — С запада — Енисей, с востока — Хатанга, на юге горный кряж Путорана, он же Большой Камень, и вот на севере таинственные ущелья Бырранга. Посредине на сотни километров раскинулись моховые равнины и лайды*. Унылый пейзаж, скажу тебе: снег, вода, мох, камень. Чем дальше на север, тем больше этого камня, гористее местность. За 75-м градусом северной широты каменистые голые сопки сливаются, наконец, в скалистые вершины Бырранга. Тут, по данным позапрошлого года, считался предел человеческого обитания на Таймыре. И то летом, заметь. К южному склону Бырранга летом приковывало с юга несколько десятков нганасан месяца на два, рыбачили на озере. Вот оно, озеро. Как ты, наверное, догадываешься, мы с тобой находимся именно здесь!..

* Лайда в условиях Таймырского полуострова представляет собой ложбины с водой.

Красным карандашом Андрей обвел кружок в том месте, где озеро заливом вдавалось в горы.

— Наша экспедиция двинулась отсюда, — продолжал он, рисуя толстые стрелки, направленные острием на север, — от Большого Камня, точнее, края леса, где проходит Хатангский тракт, соединяющий Дудинку с Хатангой, и тянется почти по самой «опушке» цепь станов-зимовий. Тут живут эвенки и долгане (сахы). Нганасане называют их «лесными людьми». Из этого можно заключить, что сами нганасане расположились еще севернее. Наш этнограф назвал их пышно — аванпост человечества на Крайнем Севере. До революции их называли иначе — самоеды, самоедь. Зимуют они на границе леса и тундры, летовать уходят в такую тундровую глушь, куда не рискнет забраться ни один эвенк. Ну, у нас и возник план: проникнуть в глубь Таймыра с их кочевьем.

— Умно придумано.

— Слушай дальше. Еще в Дудинке порекомендовали мне переводчика. Знаменитый охотник, следопыт, долго жил среди русских, зимовал на Новой Земле, на Челюскине. Меня поразила его наружность: прямой нос, тонкие губы, настоящий индеец. Потом оказалось, что это обычный тип нганасанина.

— Старик?

— Да. Но кряжистый. В ходьбе и беге неутомим.

— Не переносит запах бензина? Ворчит: тундру провоняли бензином?

— Точно.

— Тынты Куркин?

— Он.

— Старый знакомый, — засмеялся я, — вместе зимовали на Челюскине. Потянуло, значит, на лето в родную тундру. А я думал, тундра всюду тундра.

— Для нас с тобой... Но погоди-ка. Острова ископаемого льда открыты были в сентябре? Значит, «Нерпа» лавировала еще во льдах, а мы с Куркиным уже распрягали оленей в ущелье, где на следующий год появилась Зеленая Страна...

И следя за карандашом Андрея, медленно прочерчивавшим зигзагообразную линию на карте, я представил себе ожидание в зимовье и затем путь к далеким горам на севере.

...Западные и юго-западные ветры во второй половине мая приносят в тундру долгожданную весну. Дождь идет попеременно со снегом. Все заволакивает сырая мгла.

Народ нга начинает тогда готовиться к летнему кочевью.

А ветры дуют все сильнее. Темный полог туч раздвинулся, показалось солнце. Озера и лужи, до того свинцовые, мрачные, вдруг получили праздничный блеск. Редкий лес, — сквозь него просвечивала тундра вдаль, — одевшись листвою, сразу стал казаться гуще.

И вот Андрей дает сигнал к отправлению экспедиции. Длиннейшая вереница санок и нарт, запряженных оленями, потянулась на север. Полоса редколесья осталась за спиной. Впереди кирпично-красная гладь тундры и множество маленьких озер.

Весна! Весна! Нигде не радуются так теплу и свету, как на Крайнем Севере. Народ нга, насчитывающий всего 500-700 человек, не видящий солнца по много месяцев, именует себя гордо «детьми солнца». Это наивно и трогательно.

Солнечные лучи, по верованиям нганасан, — это нити, с помощью которых солнце вытягивает растения наверх, из земли. Понятно, это нелегко — земля так тверда — и это не всегда хорошо удается. В нганасанском Олимпе поэтому одно из самых последних

мест отведено хозяину растений, одинокому убогому старику, который ютится в непосредственном соседстве с оледенелым царством мертвых.

Все дальше на север продвигалась экспедиция вместе с кочующим народом нга.

Наступило лето. Ночи стали совсем короткими. Они прозрачно-светлы, похожи скорее на сумерки или рассвет, чем на ночь, и продолжаются не более двух часов. Притихшая тундра кажется зачарованной в эти часы.

В июле в тундре появились первые цветы. Нежных оттенков, как бы прикрытые фатой, они сплошным ковром устилают землю. Ботаник экспедиции заинтересовался их названиями. Оказалось, что на языке нга для них нет названий.

И ни деревца, ни куста впереди. Лиственница — единственное дерево, известное нганасанам, осталось далеко позади на юге. Впереди только равнинная гладь тундры, над которой колеблется розоватый туман, — «тундра дышит», как говорит Тынты Куркин.

Для остальных нганасан неясно еще, зачем столько русских едет к Бырранге, но Куркин, бывалый человек, хорошо понял, что именно интересует экспедицию.

На одном из перегонов Тынты остановил головные санки, на которых ехал вместе с Андреем. Прислушался.

— Олени бегут, — сказал он.

Но как ни напрягал Андрей зрение, он не видел ничего. Тундра вокруг была пустынна.

— Закрой глаза, слушай, — сказал Тынты.

Вскоре до Андрея донесся далекий топот.

— Тихо у нас, — с удовольствием сказал Тынты, — слышно очень хорошо... Подожди-ка, начальник. Считай: один, два, три... О, много оленей бежит. И в уп-

ряжке есть, и табуном бегут. Это, верно аргиш (олений обоз) из того зимовья, где старый Люрюлюё живет.

Действительно, на следующем перегоне их догнали нганасане.

Вечером Тынты сказал Андрею значительно:

— Я о Люрюлюё в Дудинке говорил. Люрюлюё нужный для тебя человек. Пойдем, он расскажет, как от оспы убегал. В оба уха впускай, все замечай.

Люрюлюё выглядел совсем дряхлым. Кожа на лице его была сморщена, глаза, как подернутая ледком вода, но волосы по-старинному заплетены на голове в две тугие косицы и перевязаны ленточкой.

Взаимный обмен приветствиями занял довольно много времени. Разговаривать нужно было с паузами, тихо — нганасане, привыкшие в тундре к тишине, не выносят громкого разговора, суеты, окриков.

Люрюлюё говорил вяло, с передышками; пока он курил, Тынты переводил его рассказ.

Много лет назад, когда Люрюлюё был молод, лесными тропами пришла в тундру оспа. Люди мерли целыми семьями, трупы некому было убирать, собаки были возле умирающих, и упряжные олени бродили вокруг опустевших чумов. Оспа поразила и род Нерхо, к которому принадлежал Люрюлюё, но сам Люрюлюё уцелел. С утра до вечера он пропадал в тундре на охоте, а так как на лыжах он бегал очень хорошо, то оспа не могла его догнать.

Она схватила его во сне. Он увидел женщину с золотистыми волосами*, которая сидела подле его ложа и смотрела на него. Сердце его похолодело, — она была в черном. Если бы ее одежда была красной, у Лю-

* Так нганасане представляют себе оспу.

рюлюё еще могла бы быть надежда на выздоровление.

Он закричал и проснулся. Никто не отозвался на его крик. В чуме было темно и тихо. Он подполз к жене, лежавшей поодаль. Она была мертва и прижимала к груди мертвого ребенка. В углу у догоревшего костра недвижно лежал его тесть.

Люрюлюё встал. Колени его подгибались. Он чувствовал непривычную слабость, шум в ушах. Собаки завyli у входа. Он вышел, запряг самых быстроногих оленей и, не оглядываясь, помчался на север.

Он давал роздых оленям только на очень короткое время. Он привязал себя к санкам, как делают нганасане обычно в пургу, чтобы не вывалиться. И он ехал и ехал, размахивая своим хореем, понукая оленей диким голосом, потому что очень боялся гнавшейся за ним по пятам болезни.

Когда перед ним поднялись скалы Бырранги, Люрюлюё удивился, что так быстро доехал, и обрадовался, — в ущельях было легче спрятаться, чем в открытой тундре.

Он проник очень далеко в горы. Так далеко не проникал еще никто из его соплеменников. И он усмехнулся про себя, представляя, как мечется и злится женщина в черном, ища его между скалами.

На дне ущелья шумел поток. Люрюлюё осмотрелся и увидел несколько листовенниц, между которыми пробивалась высокая, яркозеленая трава и цвели кусты шиповника и жимолости. Люрюлюё остановил оленей. Что это? Может быть, спасаясь в полубреду от смерти, он сбился с пути и попал не на север тундры, к Бырранге, а на юг, к Большому Камню. Не околдован ли он?

Вокруг лежал еще толстым слоем снег. А на склоне горы снег давно стаял, и земля была мягкой и теплой на ощупь.



...Они вступили, наконец, в скалистый лабиринт...

Пройдя с полкилометра, Люрюлюё нашел моховое болото, обильно поросшее морошкой, голубикой, черникой и княженикой. В болоте из-под земли били теплые родники.

Дальше идти было трудно: горячо стало ногам, а впереди из расселин вырывались клубы черного дыма.

В этом удивительном ущелье Люрюлюё прожил до глубокой осени и, вернувшись в зимовье, рассказал о случившемся родичам.

Нганасане не знают лжи. Вдобавок, Люрюлюё был уважаемым человеком, ему поверили безусловно. Но хотя соблазн был велик, никто не решился проникнуть по следам Люрюлюё в ущелье, — шаман объяснил, что Люрюлюё забрел в жилище хозяина огня и избежал наказания только потому, что хозяин в то время был в отлучке.

— Услышь я все это много лет назад, — задумчиво сказал Андрей, когда члены экспедиции возвратились к себе, — я голову б дал наотрез, что там вулкан. Теперь я иначе смотрю на вещи. О вулканах на Таймыре речи быть не может. Есть только одно объяснение, и оно нас устраивает, как нельзя более: горел пласт угля. Горит ли он сейчас? Посмотрим.

И вот, спустя много дней пути, они вступили, наконец, в скалистый лабиринт, преддверие Бырранги, где молодой Люрюлюё из рода Нерхо когда-то играл в прятки со смертью.

Здесь пути разделились. Народ нга двинулся по берегу озера Таймыр, богатого рыбой, а экспедиция Андрея с Тынты Куркиным углубилась в неизведанные ущелья.

Глава 7

— Что мы знали о Бырранге, — говорил Андрей, откалывая куски камня, и с любопытством их рассматри-

вая. — В Москве меня напутствовали словами: Бырранга похожа на Пай-Хой. А что такое Пай-Хой? Горная страна, северное продолжение Урала. Из этого делалось предположение о богатствах недр Бырранги...

Закладывая разведочные шурфы на южном склоне, экспедиция подолгу скиталась в скалистых лабиринтах Бырранги, взбиралась на плоские вершины, двигалась узкими распадками и, покружив в горах, каким-нибудь ущельем неожиданно выходила снова к глубокому озеру. Там устраивалась обычно дневка. Озеро кишмя кишело рыбой; блеск рыбьей чешуи и солнечной ряби слепил глаза. А за спиной громоздились серые камни, глыбы камней, занесенные снегом.

— А Куркин наш все принимает: не тянет ли откуда дымком, — сказал, улыбаясь, ботаник, — и все приглядывается: нет ли среди скал травы и деревьев.

— Правильно, — невозмутимо подтвердил старый охотник, раскуривая трубку, — я хорошо начальника понял. По следу гари под землей уголь найду. Где пожар под землей горит, там значит много угля есть!

Но кончался уже и август, а нигде не попадалось еще описанное Люрюлюё ущелье с жимолостью, шиповником и целой рощицей лиственниц. Скалы были по-прежнему угрюмы, скаты ущелий безлесны, и снег лежал на дне горных долин.

Андрей и его спутники подступили к подножью центрального, самого высокого хребта.

Снеговое облако, зацепившись за острые зубья скал, вяло перевалило через хребет и поползло вниз, сея мокрые снежинки. Когда же белесая пелена раздвинулась, Андрей увидел в нескольких шагах перед собой что-то черное.

Это были огромные закоптевшие камни.

Раздались голоса других участников экспедиции, шедших широким фронтом по ущелью.

— Андрей Иванович, сюда, скорей, — звали они. — Нашли стоянку первобытного народа! Удивительное открытие! Остатки кузнечного производства!

— Не верю глазам своим! — бормотал этнограф, ползая на четвереньках по земле и разглядывая в лупу комки шлакообразной массы. — Не верю! Помилуйте, железный век, и где, за 75-ой параллелью. Эвенки, и те кузнечных печей не видали в глаза до прихода русских. Всюду на Севере до самого последнего времени каменный век был, каменный!..



...Руки Андрея дрожали от волнения...

— Тогда метеориты может быть. Расплавилась от трения и... В Гренландии, например...

— Успокойтесь, друзья, — сказал Андрей, подойдя. Руки его, однако, дрожали от волнения, и он выронил комок шлака, едва подняв его с земли. — О, легкий совсем! Я так и думал. Вглядитесь-ка получше. Железной окарины нет, зерен чугуна также. Этот шлак не имеет никакого отношения к кузнечным печам. Я обрадую тебя, Тынты. Мы дошли, по-видимому, до ущелья Люрюлюё!

Тынты с удивлением огляделся. Ни деревьев, ни травы, ни ягод не было. Вокруг громоздились те же серые скалы, лежал тот же смерзшийся снег.

А Андрей уже проворно взбирался на гору, не отрывая взгляда от земли. Широкая красная полоса, след перегоревших горных пород, уводила его все дальше вглубь ущелья.

Так дошли они до места, где Люрюлюё видел когда-то ягодные болота. Характер местности, расположение скал, горный рельеф — все совпадало в точности с описанием. Но как пусто и голо здесь теперь. Куски черного шлака разбросаны повсюду, ущелье напоминает двор заброшенного металлургического завода.

— Это путь, по которому двигался огонь, — сказал Андрей, — пласт выгорал постепенно. Судя по всему, пожар длился много лет.

Пройдя еще с десяток метров, он указал на ручей, мирно журчавший среди камней.

— Вот то, что требовалось для полноты картины. Вода породила огонь.

В угольных пластах всегда встречаются серные колчеданы. Притекая к ним с поверхности, вода разлагает их и от этого получается избыток тепла. Все выше и выше поднимается температура пласта, пока, наконец, он не начинает гореть. Тяга воздуха из появившихся трещин убыстряет течение огненной реки, бушующей в своих тесных берегах. В подземном тиг-

ле возникают новые минералы: нашатырь, квасцы, сера. Меняется цвет горных пород: пласты, содержащие железо, делаются пестрыми; каменноугольный песчаник — полосатым, бело-красным; каменноугольный сланец и глина — сплошь красными, как обожженный кирпич. В оставшиеся после прогоревшего угля пустоты проваливается земля, соседние горизонты оседают, преобразуется рельеф местности.

Все это так сходно по результатам с вулканическими извержениями, что явления подземных пожаров получили название ложно-вулканических.

Вечером на бивуаке Андрей рассказывал, как он пришел к своей идее.

— Долгое время я, подобно многим наивным исследователям прошлого, допускал наличие в Сибири действующих вулканов. Первым высказал предположение об их существовании у истоков Енисея Исаак Масса¹ в своем латинском трактате, изданном в 1612 году. Его поддержал Риттер² и, как ни странно, Гумбольдт³. Против выступили Шренк⁴ и затем Семенов-Тян-Шанский⁵. Население, по-видимому, принимало за вулкан подземные гари.

¹ Масса (Исаак) родился в 1587 г., итальянец, жил в Голландии. С торговыми целями приезжал в Москву и Архангельск. Заинтересовавшись Сибирью, собрал о ней ценные сведения и издал книгу.

² Риттер Карл (1779-1859) — крупный германский географ.

³ Гумбольдт Александр-Фридрих-Вильгельм (1769-1859) — знаменитый географ и естествоиспытатель, основоположник научного страноведения.

⁴ Шренк Леопольд Иванович (1830-1894) — известный русский ученый, работавший в области этнографии Сибири, антропологии и зоогеографии.

⁵ Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович (1827-1914) — географ, ученый и путешественник.

В начале XVIII века недалеко от устья Хатанги под 73°30' северной широты горел пласт и обметал трещины нашатырем, который употребляется енисейскими и туруханскими лудильщиками. Лаптев¹ не упоминает об этом ни слова. Значит, в то время пожар уже потух. Гмелин² не нашел след этого пожара, но напал на другой, на реке Таймыре. Этот продолжался полтора столетия. О нем упоминает Витзен³, а Миддендорф отыскал очевидца, который лет за десять до его приезда побывал на пожарище и сушил там свое платье. Подземные пожары в Сибири повсеместны.

По мнению Миддендорфа, угли в Сибири самовозгораются чаще, чем на юге по двум причинам: оледенелая почва задерживает тепло раскаляющегося пласта, и нужная для поддержки горения вода сама является из почвы от таяния.

Меня поразило название одной реки, впадающей в Нижнюю Тунгуску— Горелая! В работе Третьякова я нашел указание, что в конце XVIII века там существовали подземные пожары. Отсюда и возникло название реки. Уголь, подумал я, это тепло. На месте подземных пожаров должна быть пышная растительность.

Слушатели плотнее придвинулись к Андрею.

— Припоминаю, — продолжал он, — как Эйхвальд описывал места подземных пожаров по реке Таймыре. Он отметил, что под влиянием подземного тепла окрестности покрылись тучными лугами, густыми кус-

¹ Лаптевы Харитон и Дмитрий — братья, исследователи полярных берегов Сибири (XVIII век).

² Гмелин Иоганн Георг (1709-1755) — академик, исследователь Сибири.

³ Витзен Николай Корнелий (1641-1717) — голландский ученый и государственный деятель, посетивший Россию в 1664 году.

тами малины, рябиной, березой. Таких растений поблизости не было.

Тынты, весь день бывший в дурном настроении, приставил ладонь лопаточкой к уху, чтобы не пророчить ни слова.

— Описание гари, — рассказывал далее Андрей, — приведено и в книге «Туруханский край», изданной еще в 1871 году. Снег там не держится в течение целой зимы. В каменистых расселинах не очень высокого, но крутого берега Тунгуски длинной палкой с трутом на конце достают из этой гари огонь. В окрестностях гари растут березник, ольха и хвойный лес, а верст 30 южнее, на правом берегу Таймыры на месте такой же гари, растет даже боярышник.

— Северный оазис, — пробормотал кто-то.

Над бивуаком замерцали звезды, и участники экспедиции, утомленные переходом, разошлись «по спальням», по своим теплым спальным мешкам. Ночи в августе стали темными и холодными. Уже и Андрей, занеся в журнал экспедиции все события прошедшего дня, собрался было спать, когда увидел, что Тынты Куркин сидит по-прежнему у костра, погруженный в глубокую задумчивость.

— Ты что, Тынты? — спросил Андрей.

— О хорошем рассказал ты, начальник, — сказал Тынты, не сводя глаз с тлеющего моха. — Жаль, потух пожар здесь. Опоздали мы. Повезло Люрюлюё, нам нет.

Сейчас только понял Андрей причину подавленного настроения своего спутника. Он засмеялся и обнял Тынты за плечи.

— Не горюй, Тынты, — прошептал он ему на ухо, — увидишь еще на Бырранге и цветы, и деревья!



1. Путь экспедиции Савчука.
2. «Зеленая страна».
3. Архипелаг Исчезающих Островов.
4. Полярные станции.
5. Изобаты.
6. Горы и возвышенности.
7. Тундра

Он выпрямился и обвел рукой вокруг. Притихшему нганасанину представилось вдруг, что Андрей творит заклинание.

— Мы подожжем угли Бырранги, Тынты! Мы будем управлять подземным пожаром! Мы направим его в нужное русло. И тогда, ты увидишь это своими глазами, Тынты, в одном из этих серых ущелий расцветет сад!..

Глава 8

Нет. Когда я сказал Тынты, что ущелье зазеленеет, это не было хвастовством. Я знал, что это можно сделать. И знал, как это сделать. Не забывай, я горный инженер.

Андрей устроился поудобнее на подоконнике, продолжая задумчиво смотреть в темноту. Часы мерно тикали, стрелка давно перевалила за полночь, но он не замечал этого, увлеченный рассказом.

— Знаешь ли ты о подземной газификации? — неожиданно спросил он.

— В общих чертах, конечно, — ответил я.

— Первым эту идею предложил Менделеев, так? Рамзэй сконструировал подземный газогенератор, но проект его исчез бесследно.

— Конечно, техническая революция в производстве означала разорение для шахтовладельцев...

— Да... Потом Ленин. Его знаменитая статья «Одна из великих побед техники». Идея подземной газификации снова тревожит умы. В годы первой сталинской пятилетки советские инженеры получают, наконец, газ

от подожженного пласта... Ну, а что ты знаешь о применении газа?

— Это форменный экзамен, — засмеялся я. — Мне известно, что газ вертит газотурбины, сжигается в топках, двигает газогенераторные автомобили. В смеси со светильным или коксовым газом служит для бытового потребления. Кроме того, это ценное химическое сырье. Из него можно вырабатывать аммиак, бензин, спирты...

— Все?

— Как будто...

Андрей засмеялся:

— Вот и видно, что несколько лет ты провел на каких-то Исчезающих Островах. Сведения неполны и явно устарели.

Он полюбовался моим недоумевающим видом, затем сказал уже серьезным тоном:

— Мы решили отоплить одно из ущелий Бырранги.

Андрей надышал на стекло и пальцем быстро начертил нечто вроде калорифера парового отопления.

— Мне, конечно, пришлось выдержать не один бой. И на страницах журналов, и на технических совещаниях меня атаковали многочисленные оппоненты. «Нерентабельно. Это будет нерентабельно». Вот на что они упирали. Пришлось, скрепя сердце, взяться за бухгалтерские расчеты. Сальдо, как говорят, было в мою пользу.

Видишь ли, из множества цифр мне удалось уловить главное. На Таймыре за последнее время были открыты богатейшие месторождения ценных ископаемых, начали возникать индустриальные очаги, которые в ближайшем будущем должны стать крупными центрами заполярной промышленности.

— На побережье?

— Да, освоение полуострова началось, как тебе известно, со стороны моря. Затем уж начали расшифровывать белое пятно в центре Таймыра и наша экспедиция сыграла в этом большую роль...

Итак, для новой заполярной промышленности нужна будет дешевая энергия, которую по нашему проекту и должны были дать специальные подземные газогенераторы. Кроме того, для жителей новых населенных пунктов в большом количестве нужны будут овощи, фрукты, ягоды. Вот и решено было создать овощную и плодовую базу в одном из ущелий Бырранги, вблизи подожженного угольного пласта. Подземная грелка. Нечто вроде гигантского парника...

.

Еще прокладывалась насыпная дорога через болотистую тундру, еще шли из Хатанги и Дудинки вездеходы со сложным оборудованием и разборными бараками, а нетерпеливый Андрей уже зажигал опытный огневой забой.

Участок угля окружили стеной из шлакобетона, чтобы локализовать пожар. В стене внизу выбрали три узких «печки» и заложили легко воспламеняющейся смесью: опилками, паклей, щедро политыми смазочными маслами. Внутри такого своеобразного «костра» находились патрон и спираль, соединенная с проводником электрического тока.

Андрей стал к рубильнику. Он перевел дух, оглянулся. В окно дощатого барака, где расположили временно пульт управления, видны были сумрачные силуэты гор, нависших над котловиной.

Снег никогда не сходил с вершин. По склонам громоздились скалы. Казалось, маленькая группа людей, дерзко проникших в заповедную глушь Бырранги, была стиснута со всех сторон, запрятана в каменный мешок, в ловушку.



...Андрей включил рубильник

Андрей включил рубильник. Ток побежал вниз, накалилась спираль и вспыхнули «костры», разложенные в угольном массиве.

Теперь главное внимание строителей было приковано к тому, что совершалось у них под ногами, в недрах земли.

Бывало, что и ночью охваченный беспокойством Андрей вскакивал с постели и бежал проверять показания термометров. Термометры были вставлены в землю, трубы газового отопления проходили как раз под ними. Ниже труб находился слой вечной мерзлоты, еще ниже — сам горящий пласт.



...При свете прожекторов люди двигались, как призраки

Оснований к беспокойству не было, столбик ртути бодро взбирался вверх.

Наступила зима. Полярный мрак стучался над Арктикой. В надвигающихся сумерках неясно видны были вдали белые вершины Бырранги, но в самом ущелье снега уже не было. При свете прожекторов, установленных на высоких мачтах, люди двигались, как призраки, то возникая из темноты, то снова скрываясь за чертой освещенного пространства.

Визжала электропила, гудели автогенные аппараты, в ущелье вырастали белые кубики жилых домов и служебных помещений.

Это был поселок, непривычный для глаз шахтера, — здесь не было ни шахтных копров, ни сортировочной, ни рельсовых путей для откатки. Подземная газификация производилась наиболее совершенным способом, бесшахтным. С помощью гидравлических буровых станков сверху проходили все необходимые выработки. Прямо с поверхности уходили вниз две скважины, глубиною в двести метров, соединяющиеся под землей.

В одно отверстие мощные компрессоры подавали воздух, в другое выходил газ и распределялся по газопроводным трубам. Регулирование подачи воздуха позволяло управлять подземным пожаром, по желанию усиливая его, ускоряя или замедляя.

На лето резко сократили количество горящих участков-панелей. Земля прогревалась теперь не только снизу, но и сверху. Солнце медленно покатилося по небу, прожекторы и лампы в домах были потушены до осени.

.

— Ростки, Андрей Иванович! Ростки показались! — Агроном бурей ворвался в кабинет начальника ново-стройки.

На тщательно взрыхленной и удобренной грядке, действительно, робко показались зеленые листочки. Люди сидели вокруг на корточках, и когда Андрей сделал движение, чтобы прикоснуться к росткам, на него замахали руками, как на святотатца.

Одним из главнейших видов удобрений в Бырранге была углекислота, полученная в результате подземной газификации. Углерод — это пища растений. Обогащение атмосферы углекислотой повышает в умеренных широтах урожай вдвое. Здесь, на крайнем севере, эффект должен был быть еще разительнее.

Солнечное облучение удлинилось, — солнце почти не сходило с горизонта, — растение работало интенсивнее и более жадно поглощало и усваивало углерод.

В конце лета был собран первый урожай овощей. Он оказался действительно богатым.

На второй год существования Заполярного Сада (так стали называть зазеленевшее ущелье в горах) агроном заканчивал для научного журнала статью, в которой с гордостью перечислял идеальные условия для жизни растений, созданные на Бырранге.

Глава 9

Но строителям Сада нужно было пройти еще через много испытаний, прежде чем получить право сказать, что дело их рук хорошо и создано прочно.

В одну из счастливых весен, когда ничто, казалось, не предвещало беды и молодой агроном ходил триумфатором, — недавно посадили деревья, привезенные с юга, — новостройке пришлось выдержать первую атаку стихии. На Заполярный Сад налетела пурга.

Это случается нередко в тундре и в таймырских горах и по стремительности и неожиданности напоминает торнадо.

Накануне синоптики предупреждали о небольших ветрах северных румбов, но это не встревожило нико-

го, потому что район был надежно защищен от северного ветра скалистым хребтом.



...На Заполярный Сад налетела пурга

Прогноз оказался ошибочным. Когда на метеостанции забили тревогу, было уже поздно. Над молодым садом вертелись белые вихри, свистя и воя, точно всадники, наскочившие врасплох на вражеский лагерь.

Андрей в это время осматривал молодые посадки. Он бросился к пункту управления, но пурга прижала его к земле. Он лежал лицом вниз и плакал от бешенства.

Потом что-то мокрое поползло ему за воротник. Андрей огляделся. Небо скрывал мрак, над головой громыхало и завывал ветер. Но снежных хлопьев уже не было видно — они таяли, не долетев до земли.

Это заместитель Андрея, дежуривший на пункте управления, открыл запасные клапаны, выводившие выхлопные дымовые газы. Теплый воздух вступил в единоборство с пургой, налетевшей из тундры.

Постепенно светлело. Андрей не узнавал места, где стоял. Зеленая листва, розовые лепестки цветов исчезли, будто дунул на них злой волшебник, позавидовавший могуществу человека. Деревья и кусты опустились к земле изломанные голые ветви, трава была уничтожена.

По счастью, вторжение холодных масс воздуха благодаря принятым мерам было слишком кратковременным, чтобы причинить непоправимые повреждения. Большую часть посадок удалось спасти, но агроном посидел за эти несколько минут, точно летающие снежинки, коснувшись его волос, так и остались там навсегда...

Уже миновало то время, когда на строительстве Заполярного Сада существовали разрозненные обособленные землячества, — общая работа сблизилась всех.

Говорят, ничто не сплачивает так, как общий враг и общие опасности. А люди в ущелье Бырранги чувствовали себя осажденными враждебной и непокорной стихией. Арктика с ее морозами и ветрами, с ее непрочной мерзлой почвой сторожила каждый их шаг. Огненная река, бушевавшая в своем оледенелом русле под ногами, тоже грозила в любой момент выйти из

повиновения. Только зазевайся, ослабь внимание, и весь грандиозный опыт сорвался.

Любому рабочему на строительстве известно было, что для равномерного выгазовывания угля необходимо регулярно менять направление дутья, реверсировать его. В то отверстие, откуда выходил газ, нужно было направлять поток воздуха. Но предварительно следовало продуть газодутьевую скважину паром. Иначе от соединения остатков углекислого газа с подаваемым кислородом воздуха могла образоваться опаснейшая гремучая смесь.

Однажды, когда Андрей был вызван по делу в Хатангу, его заместитель недосмотрел, а неопытный панельщик перед реверсом забыл пропарить газовую скважину. Раздался оглушительный взрыв, многократно повторенный горным эхо. Клапаны и задвижки отводной трубы, весившие десятки килограммов, отлетели на 50 метров в стороны. Из скважины стало выбрасывать черные клубы дыма и обуглившиеся комки на 20-30 метров вверх. Панельщик чудом остался жив.

Эту аварию надолго запомнили на строительстве.

К середине лета на территорию Сада, крадучись, проник новый хитрый и увертливый враг — подземная вода.

Она подошла к горящему пласту и потушила его.

Пришлось в специально пробуренных скважинах установить гидроэлеваторы, новое и очень остроумное приспособление для откачки воды.

Однако еще рано было торжествовать победу над водой.

Постепенно оттаивал мощный пласт вечной мерзлоты, расположенный в соседстве с трубами газопровода. Разогретые подземные ручьи размывали глину и песок, и растворяли каменную соль и гипс, которые

имелись в тех местах в изобилии. Недостаточно осторожно производилось также обрушение земли в пласте выгоревшего угля. Все вместе взятое привело к трещинам и провалам в грунте и вызвало катастрофу на юго-западных террасах.

Однажды рабочие, проводившие окулировку в питомнике, услышали зловеющий гул, выходявший из недр земли. Камни и корзины покатались по склону вниз. Деревья зашатались, как от сильного ветра, хотя вечерний воздух был неподвижен.

— Землетрясение! — раздались голоса.

Спотыкаясь и падая, хватаясь за качающиеся ветви, рабочие сбежали со склона на шоссе. Там они почувствовали себя снова на прочной земле. С тревогой следили они за тем, как часть склона с кустами, деревьями, грядками ползла все быстрее вниз к озеру.

Андрей примчался на грузовике.

Помочь было нечем. Можно было только молча, стиснув до боли челюсти, смотреть, как гибнет труд сотен людей, — на этих террасах культивировали особый сорт карликовых яблонь «Бырранга».

Озеро ударило о берег волной. Огромная глыба доползла до воды, перевернулась, показав черную землю с торчащими корнями, и затонула. Вслед за ней плюхнулись в воду вторая, третья.

Андрей отвернулся.

Всю ночь слышен был подземный гул и шум прибоя. Казалось, что весь район Заполярного Сада обречен на гибель в волнах Таймыра.

Однако, дело ограничилось одним оползнем, который, подобно леднику, оставил после себя глубокое ложе — рытвину, обрывающуюся у самой воды.

Катастрофа на юго-западных террасах Бырранги явилась откровением для сейсмологов. Она подтвердила связь сибирских землетрясений с подземными

пожарами и, в частности, пролила свет на загадочное землетрясение в 1863 году, захватившее Байкал, Иркутск, Верхнеудинск, Кяхту и вызвавшее грандиозное наводнение в окрестностях Нерчинского завода.

Что же касается практических выводов для Бырранги, то было решено заполнять образующиеся пустоты песком и галькой, создавая таким образом искусственный фундамент для расцветающего Заполярного Сада.

А Сад продолжал расцветать. Он расцветал, несмотря на пургу, налетавшую из холодной тундры; несмотря на неизбежные ошибки и промахи новаторов-инженеров, бывших новичками в своем деле; несмотря на трудности и препятствия, возникавшие на пути.

Трудности еще не были преодолены, строительство не окончено. И начальник Заполярного Сада, запершись в своем кабинете после шумного и хлопотливого дня, щедро смачивал холодной водой полотенце и повязывал им голову, как чалмой. Предстояло работать всю ночь над чертежами, сводками, планами. На сон была отведена жесткая норма — три часа, и полотенце приходилось смачивать неоднократно.

Особенно хотелось спать под утро. Андрей таращил слипающиеся глаза, всматриваясь в цветные эскизы Заполярного Сада, висевшие на стене против письменного стола. Круги ходили перед ним; временами казалось, что годы стройки миновали уже и цветные эскизы не эскизы вовсе, а широко открытое окно, за которым переливается нежными красками, шумит листвою сказочно-пышный сад...

Глава 10

Андрей закончил рассказ и, повернувшись ко мне спиной, сильным движением распахнул окно. Потянуло ароматом мокрой травы, предраассветной свежестью и чуть слышным запахом гари.

Тут только я заметил, что за окном уже посветлело и рама видна на сероватом фоне довольно отчетливо. За разговором незаметно прошла ночь.

Так в детстве, жадно листая увлекательный роман, я поднимал глаза от книжки, лишь когда брезжил рассвет и за тонкой перегородкой начинали скрипеть половицы под ногами домочадцев.

— Теперь спать, спать, спать, — сказал Андрей, с ужасом взглянув на часы. — Доктор убьет меня, если узнает... Немедленно спать!

Он ушел. Туман за окном начинал постепенно редеть и слабый ветерок шевельнул шторы.

Мне показалось, что я только успел коснуться головой подушки и закрыть глаза, как кто-то вдруг позвал меня. Я вскочил. Солнце светило прямо в лицо, створки окна были раскрыты настежь и, лежа грудью на подоконнике, в комнату заглядывал бортмеханик.

— Мощно спите! — сказал он укоризненно. — Бужу, бужу. Солнце вон где уже, а он спит, как сурок.

Я поспешно оделся и вышел к нему. Он выложил новости.

— С самолетом все в порядке. И наш летчик здесь. Еще вечером доставили. Как нога? Но где мы, скажите? Теплынь, зелень, весна. А в Тикси снегу на полметра...

Мы медленно шли по широкой аллее. Сад расположен был в узкой долине, окруженной со всех сторон горами. Снег на вершинах ослепительно блестел и от этого еще праздничнее выглядела зеленая листва. Точно стеклярус, сверкали и переливались на ней крупные капли утренней росы.

В сочетании снеговых гор и яркой зелени было что-то общее с черноморским побережьем Кавказа, только деревья здесь были очень низкорослые, по грудь человеку. Они раздались вширь, ветви их стлались по земле, прижимались к ней, ища защиты от зимней стужи и ветров.

Бортмеханик в своих высоких унтах выглядел особенно нелепо в этом саду. Он был похож на Гулливера, попавшего в Лилипутию. Это сходство стало просто иллюзией, когда мы вышли на овальную площадку. Вокруг клумбы с фиалками бегали, играя, дети.

Нужно беспрерывно провести несколько лет на зимовке, где детский звонкий смех можно слышать только по радио, чтобы понять охватившее меня волнение.

Маленькие дети здесь, в отрогах когда-то неприступной Бырранги, на 75-м градусе северной широты! Краснощекие, смеющиеся, толстые, беспечно играющие в классы или мячик, совсем как на Чистых или Пионерских прудах в Москве!..

Мы отдохнули на скамейке у клумбы, пощурились на солнце, перебросились несколькими фразами с молодой женщиной, сидевшей рядом.

— Надолго сюда? — поинтересовался бортмеханик.
— Контракт у мужа на год, на два?

— Надолго? — удивилась соседка. — Насовсем. Муж с первого года тут, старожил, а я из Горловки к нему прошлым летом приехала. Я здесь на химическом заводе работаю.

Итак, век зимовок приходил к концу. Арктику обживали прочно, обосновывались здесь всерьез и надолго.

Что ж, это закономерный процесс, продолжение поступательного движения человечества на Север. Древние египтяне не допускали и мысли о том, что в северной части Средиземноморья — в Италии — когда-нибудь может возникнуть культура. Им казалось, что там слишком холодно. Римляне перенесли черту цивилизации несколько севернее. Тацит утверждал, что туманный климат Британии помешает развитию населявших ее варварских народов. Черта человеческого обитания в царской России пролегла уже через тундру, в пустынном крае «пегой орды», как именовали эскимосов, ненцев, эвенков. Где теперь эта черта обитания, если и на Северном полюсе побывали советские люди?..

Разговаривая об этом, мы свернули в боковую аллею, где подле цветочной клумбы на корточках спиной к нам сидел человек. Я подошел ближе.

Ко мне обернулось худое морщинистое лицо.

— Тынты?

Тынты поднялся, стряхивая с колен землю, и пожал мне руку так спокойно, точно мы расстались только вчера.

— Цветы, — сказал он кратко, — сам сажал.

— Прекрасные цветы, — подтвердил я.

Тынты удовлетворенно посипел неизменной трубкой.

— Ты здесь? А я ищу тебя!

Андрей вышел из-за поворота и поздоровался с нами.

— Любуется сыном солнца? Теперь название это уже не звучит так смешно? Правда?.. Что за куст, Тынты?

— Розовый, — ответил Тынты с достоинством.

— Помнишь, — Андрей обернулся ко мне, — мы читали у Нансена о терпении эскимосов? Кто-то послал их выкосить траву на острове. Они вернулись через полтора месяца. «Трава была еще маленькой, — сказали они, — мы ждали, пока она вырастет». Вот и Тынты, терпеливый сын солнца, дождался, когда выросли розы на Бырранге. Он сам вырастил их...

Мы пошли дальше по аллее.

Я показал на слабо мерцающие большие шары, висевшие над деревьями. Они располагались правильными рядами и как бы парили в воздухе, — так тонка, почти не приметна была проволока, поддерживавшая их.

— Это? Наши искусственные солнца. Мощные электролампы.

Мы подошли поближе и остановились, запрокинув головы.

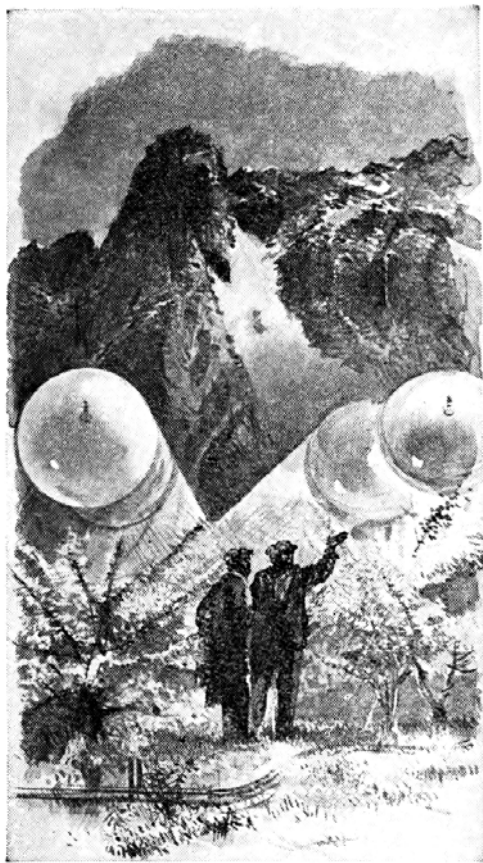
— Видишь ли, — продолжал Андрей, — мы уже отказались от примитивного способа пускать горючий газ непосредственно для отопления. Сейчас газотурбины переводят тепловую энергию в электрическую, а по трубам подземного калорифера идет только выходной газ, отходы производства. Это дало возможность зажечь зимой над территорией Сада тысячи электрических солнц.

— Над Садом никогда не заходит солнце?!

— Так должно было быть. Ведь мы расхрабрились настолько, что занялись разведением особых морозоустойчивых сортов винограда. Но, повторяю, проблема эта еще не решена.

Тебе могло с первого взгляда показаться, что все уже сделано и нам осталось только пожинать плоды. Нет. Чем дальше, тем сложнее работа, тем больше возникает новых вопросов, догадок, проектов...

И он повел меня в святая святых Заполярного Сада, в экспериментальную теплицу, где проводились опыты с цитрусовыми. Сквозь стеклянную стену в яркозеленой листве блеснуло несколько золотых пятен.



...Я показал на слабо мерцающие большие шары, висевшие над деревьями

...Сад не был осмотрен и наполовину, когда нас догнал бортмеханик и сказал, что к вылету все готово.

«Дневка» в оазисе кончилась. Надо было продолжать путь на Москву.

Заревели моторы самолета. Стартер переложил из руки в руку флажок, которым дают сигнал к отправлению. Я нервно оглянулся по сторонам. В группе провожающих не было Андрея.

Куда мог он запропасться? Только что шел рядом со мной, толковал о баснословных урожаях, о новых оазисах, которые предполагалось создать вдоль побережья, уславливался насчет сроков своего приезда в Москву. Только что заботливо подсаживал меня на крыло, советуя потеплее укутать больную ногу. Где же?..



Он передал мне ящик...

— Подождите! — закричал я, выглядывая в окно.
— Вот он бежит.

Андрей бежал по асфальтированной дорожке. В руках у него был небольшой ящик.

— Чуть было не забыл, — прокричал он, шумно переводя дыхание.— На, держи. Нет, это не тебе. Это поручение.

Он передал мне ящик.

— Здесь ранняя земляника, — пояснил он. — Прилетишь в Москву, сразу же с аэродрома поезжай на Петровку (он сказал номер дома и квартиры). Там живет писатель, романом которого о земле онкилонов мы зачитывались когда-то. Передай ему на словах вот что: очень давно мы прочли в вашей книге о теплой земле среди льдов и всем сердцем поверили в нее. Мы искали ее в далеких северных морях и не нашли. И тогда мы создали ее сами!..

Моторы заревели громче. Стартер взмахнул флажком. Подрагивая, машина покатила по мягкому травяному настилу.

Просто не верилось, что еще несколько минут — и под крылом снова сверкнет снег и потянется бесконечная серая тундра...

Об авторе



Леонид Дмитриевич Платов (наст. фамилия Ломакин) родился в Полтаве в 1906 г.

В 1927 г. окончил факультет политического просвещения Харьковского института народного образования. В середине 1920-х гг. начал работать в комсомольской печати, объездил весь Советский Союз.

Как писатель Платов дебютировал приключенческой повестью «Мальчик с веснушками» («Комсомольская правда», 1936-1937), а в конце 1930-х гг. выступил как автор научно-фантастических повестей и рассказов: «Дорога циклонов», «Трансарктический пассажир», «Соленая вода», «Каменный холм», «Аромат резеды», «Господин Бибабо», «Концентрат сна», «По реке тайн». Эти произведения были опубликованы в журналах «Самолет», «Смена», «Огонек», «Вокруг света».

С сентября 1941 г. был военный корреспондентом журнала «Пограничник», с июня 1943 – газет «Красный черноморец», «Красный флот». Уволен из ВМФ в марте 1946 в звании майора адмслужбы. Награждён орденом Отечественной войны 2-й степени.

В 1947 г. по мотивам романа В.А. Обручева «Земля Санникова» Платов создал киноповесть «Птица Маук». Затем писатель обратился к военно-приключенческой тематике, много писал о подвигах советских военных моряков и разведчиков в годы Второй мировой войны. Послевоенные произведения включают романы и повести «Секретный фарватер» (экранизирован в 1987 г.), «Бухта Потаянная», «Когти тигра», «Предела нет», «Эхо бури».

Главным литературным и одновременно научно-фантастическим достижением Л. Платова является дилогия «Повести о Ветлугине» – «Архипелаг исчезающих островов» (1949, допол-

ненное издание в 1952) и «Страна Семи Трав» (1954). Повести, рассказывавшие о поисках неведомых земель на Крайнем Севере, относились к так называемой «географической» фантастике – без далеких планет, космических кораблей и черных провалов Галактики. Но отсутствие космической экзотики с лихвой искупалось у Платова экзотикой Севера, романтикой открытий и образами мужественных, увлеченных своим делом героев. Привлекала читателя и тема «затерянных миров», которая получила в конце концов совершенно классическое развитие – во второй повести дилогии исследователи обнаруживали забытое, оставшееся в каменном веке племя самоедов.

Л. Д. Платов умер в 1979 году и был похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Вошедшая в книгу повесть «Земля Савчука» является прямой предтечей «Повестей о Ветлугине». Она была напечатана в 1941 г. в №№ 5-7 журнала «Наша страна» и публикуется по этому изданию с сохранением оригинальных иллюстраций. Нами было исправлено устаревшее написание нескольких слов. Все постраничные примечания даны по первому изданию. В оформлении обложки и фронтисписа использованы работы А. Борисова.

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.